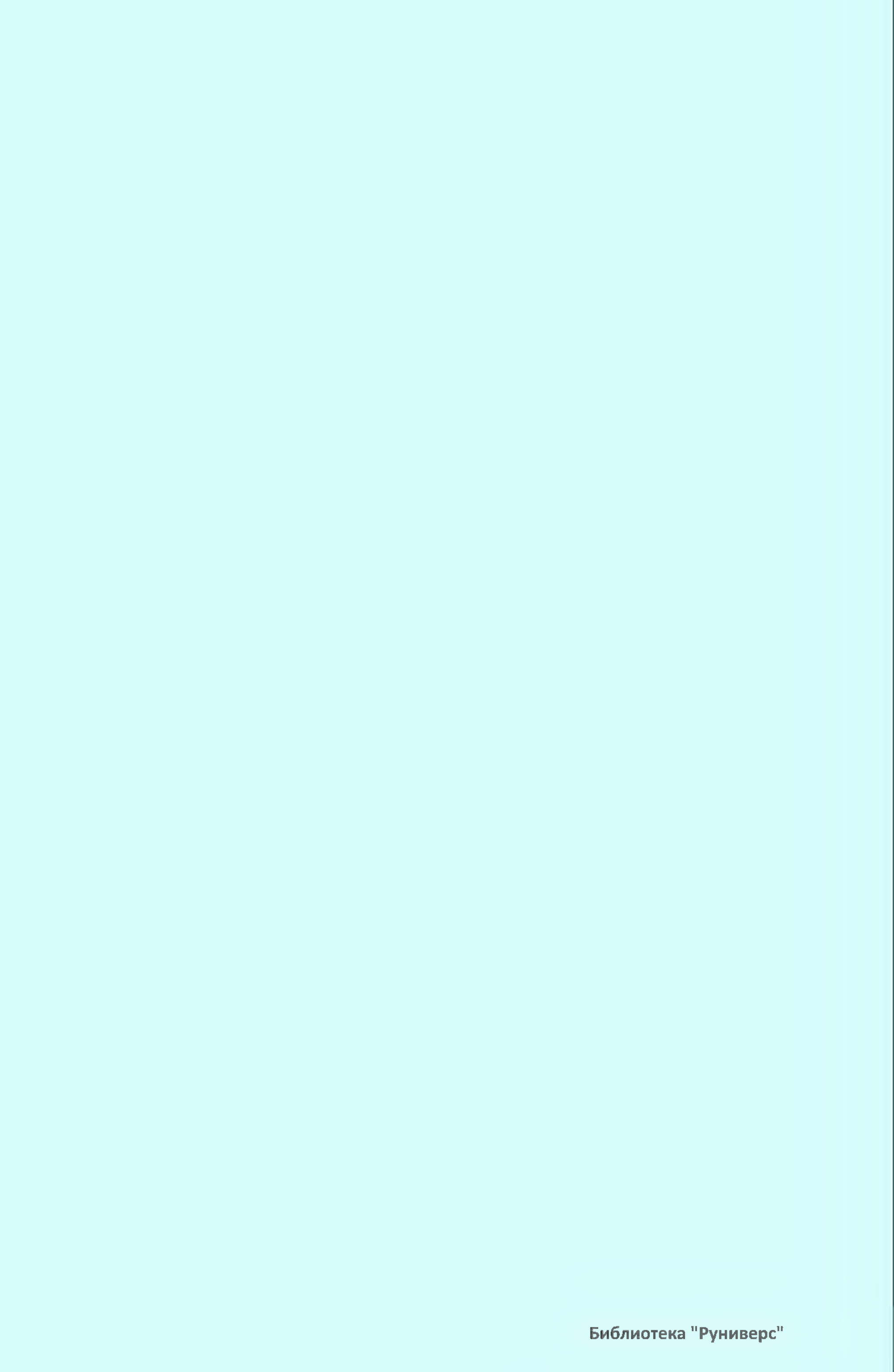
ПОЛНАЯ ИСТОРІЯ

ЧИНГИСЪ-ХАНА,

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1840.

Библиотека "Руниверс"

ПОЛНАЯ ИСТОРІЯ

ЧИНГИСЪ-ХАНА,

составленная изъ Татарскихъ лѣтописей,
и другихъ достовѣрныхъ источниковъ.

издалъ

Николай Горловъ,

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

—

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 11 Октября 1839 года.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ продолженіе двухъ періодовъ моего служенія въ Томской губерніи, я тщательно заботился пріобрѣсть нѣкоторыя свѣдѣнія, особенно историческія, объ этомъ краѣ, въ чемъ нѣсколько и успѣлъ, получая таковыя какъ отъ разныхъ Татарскихъ Князцовъ, такъ и отъ другихъ лицъ. Эти матеріалы, переведенные на Россійскій языкъ, составляли для меня драгоцѣнный, но необработанный запасъ. Многочисленныя занятія и разныя неблагопріятныя обстоятельства долго не позволяли мнѣ заняться приведеніемъ сихъ свѣдѣній въ историческій порядокъ. Но нынѣ, удаливъ отъ себя всѣ суеты и мечты жизни, на свободѣ, принялся я за этотъ трудъ, и описавъ главныя происшествія жизни Чингисъ-Хана, рѣшаюсь издать его Исторію въ свѣтъ.

Хотя во многихъ историческихъ сочиненіяхъ упоминается о Чингисѣ и его завоеваніяхъ, но нѣтъ, однако, еще полнаго и отдѣльнаго описанія жизни его, потому что мало кто занимается разборомъ книгъ, писанныхъ

на Восточныхъ языкахъ; таковыхъ въ Сибирскихъ губерніяхъ можно отыскать весьма много, особливо у частныхъ лицъ, которыя, не зная ихъ содержанія и достоинства, готовы отдать ихъ всякому за самую ничтожную цѣну. Также, немалое количество книгъ всякаго роду хранится въ такихъ мѣстахъ, которыя обязаны стараться о переводѣ ихъ; но, по недостатку способныхъ къ тому людей, и по другимъ различнымъ препятствіямъ, онѣ лежатъ съ давнихъ лѣтъ въ библіотекахъ, гдѣ, можетъ быть, пролежатъ и вѣчно.

Издаваемую мною Исторію свѣрялъ я съ нѣкоторыми, писанными на Русскомъ языкѣ о томъ же предметѣ сочиненіями, и какъ время событій оказалось вѣрнымъ, то, можетъ быть, слабый мой трудъ нѣсколько заслужитъ вниманія просвѣщенной публики. Впрочемъ, всякій судитъ по мѣрѣ своихъ собственныхъ понятій, и въ подобныхъ случаяхъ единства въ сужденіяхъ ожидать не можно.

I.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ТЕМУТЧИНА, ВЪ ПОСЛѢДСТВІИ ПРИНЯВШАГО НАЗВАНІЕ ЧИНГИСЪ - ХАНА.

Мѣсто рожденія сего великаго завоевателя есть Блюнъ-Юлдукъ, въ Монголіи. Согласно преданію, онъ родился, имѣя въ правой сжатой рукѣ кусокъ запекшейся крови, что принято было въ народѣ предзнаменованіемъ въ младенцѣ будущаго великаго и славнаго завоевателя.

Когда отецъ его, Іесуга-Буядуръ, человѣкъ кроткій и малозначительный, управлявшій неважною частью въ Монголіи, кончилъ жизнь, Темутчинъ былъ еще несовершеннолѣтнимъ, и хотя имѣлъ братьевъ, но по старшинству сдѣлался наслѣдникомъ отца своего. Слабое управленіе Буядура уже издавна располагало данниковъ его къ неуваженію его власти и сверженію ига; но они, по разнымъ причинамъ, медлили исполненіемъ своего намѣренія. Кончина старца, и начальство малолѣтнаго сына, рѣшили нѣкоторыхъ изъ нихъ явно отложиться. Къ чему примѣръ подалъ начальникъ улуса, Бучандеръ, а за нимъ и другіе, отказавшись отъ платежа дани и повиновенія. Онъ началъ ходить въ отдаленныя мѣста, такъ что силы его уменьшились почти до третьей части. Въ таковомъ бѣдственномъ положеніи провелъ

Темутчинъ нѣсколько лѣтъ, и едва съ помощію доброжелательнаго ему вотчима, Менглинъ-Ички, могъ удержать остальныхъ подданныхъ. Имѣя врожденную склонность къ воинскимъ подвигамъ, и сильно чувствуя потерю подданныхъ и владѣній своихъ, предался онъ изученію военнаго искусства, и во всякомъ упражненіи достигалъ совершенства, какъ обхожденіемъ своимъ и справедливостію, такъ и пріятною наружностью: чѣмъ и привлекъ къ себѣ уваженіе многихъ. По достиженію мужескаго возраста, сообразивъ своя способы, Темутчинъ сталъ готовиться положить начало къ возвращенію утраченнаго.

Отложившіеся улусы, слыша о предпріимчивости и намѣреніяхъ его, начали его опасаться, и старались всѣми возможными средствами возбудить ближайшихъ къ нему сосѣдей къ раззоренію оставшейся у него части: на каковой конецъ, они начали вести переговоры. Но Темутчинъ, вспомоществуемый вотчимомъ своимъ и другими близкими родственниками, узналъ, что уже четыре племени: Тайзеуты, Нироны, Баксуты и Мархеты, предположили вскорѣ сдѣлать на него нападеніе, избравъ для того первое удобное время. Видя необходимость предупредить ихъ замыслы, онъ собралъ все свое войско, вблизи на-

ходившееся, и назначилъ прочимъ подвластнымъ ему племенамъ мѣсто для сбора. Такими-то распоряженіями у него составилась достаточная сила для начатія военныхъ дѣйствій. Принявъ на себя главное начальство, онъ избралъ въ сотрудники надежныхъ и испытанныхъ въ усердіи, знающихъ притомъ и военное дѣло, лицъ; вывелъ войска въ избранное имъ, удобное мѣсто, и остановился въ ожиданіи непріятелей, которые, узнавъ о его движеніи, поспѣшили къ нему на встрѣчу. Тогда, устроивъ свои войска, и давъ приблизиться врагамъ, сдѣлалъ онъ на нихъ стремительное нападеніе, и распоряжаясь самъ лично, явилъ примѣръ большой отважности и воинской смѣтливости. Онъ былъ всюду, гдѣ нужно было его присутствіе, и одержалъ совершенную побѣду. На мѣстѣ сраженія съ обѣихъ сторонъ много пало убитыхъ, и обратившійся въ бѣгство, разстроенный непріятель усѣялъ тѣлами своими огромное пространство мѣстъ, имъ проходимыхъ; сверхъ того, множество захвачено въ плѣнъ. Отрядивъ часть войска къ преслѣдованію непріятелей, онъ немедленно приказалъ собрать своихъ убитыхъ и раненыхъ; первыхъ почтилъ пристойнымъ погребеніемъ, а послѣднихъ поручилъ пользованію врачей. На другой день, по его повелѣнію, представили къ шатру его, захваченныхъ въ плѣнъ, непрі-

ятельскихъ начальниковъ. Тутъ оказалъ онъ всю жестокость свою и безчеловѣчіе: избравъ изъ нихъ важнѣйшихъ, онъ приказалъ при себѣ варить ихъ живыхъ въ котлахъ. Прочихъ отдалъ онъ въ неволю, а затѣмъ оставшихся приказалъ умертвить тутъ же. Выступя впередъ къ жилищамъ непріятелей, Темутчинъ обратилъ ихъ въ пепелъ, все имущество ихъ предоставилъ своему войску, малолѣтныхъ дѣтей мужеска пола отдалъ на произволъ каждаго, кто хотѣлъ ихъ брать или умерщвлять; изъ дѣвицъ, замѣчательныхъ по красотѣ, отправилъ въ свой домъ, прочихъ же раздѣлилъ между своими военачальниками. Приводимыхъ послѣ того цѣлыми отрядами плѣнныхъ принималъ въ число своего войска, чрезъ что значительно усилилъ его. Ободряемый первою удачею, Темутчинъ началъ помышлять не только о низложеніи враговъ, но и о распространеніи своихъ владѣній, и, не теряя времени, сталъ къ тому приготовляться.

Караитскій владѣлецъ Аунекъ-Ханъ, какъ ближайшій, долженъ былъ первый подвергнуться нападенію Темутчина; но въ числѣ его приближенныхъ былъ нѣкто изъ чиновниковъ Чамука, который, многимъ обязанный Аунеку, и втайнѣ сожалѣя о немъ, рѣшился его предостеречь, и для того, притворившись больнымъ, попросилъ у Темутчина увольненія на нѣсколь-

ко времени въ домъ, и отправясь, заѣхалъ тайно къ Аунеку, гдѣ, при личномъ свиданіи, сказалъ ему наединѣ, что хотя онъ и пользуется довѣренностію и благосклонностію Темутчина, однако по любви и преданности къ нему, Аунеку, онъ обязанъ его предупредить о готовящейся ему участи; что хотя немногія изъ самыхъ приближенныхъ знаютъ о намѣреніяхъ Темутчина, но что онъ свѣдалъ объ отправленіи посланнаго къ Таяну Хану Найманскому, и Баираку, его родственнику, съ приглашеніемъ присоединиться къ Темутчину, напасть на Аунековы владѣнія, и раздѣлить ихъ на части; что уже это намѣреніе приводится въ дѣйствіе. Таковое извѣщеніе, въ послѣдствіи оказавшееся ложнымъ, весьма обезпокоило Аунекъ-Хана, и какъ онъ чувствовалъ, что съ нѣкотораго времени Ханъ Маюманскій имѣетъ по одному случаю на него злобу, то и повѣрилъ искренно сему извѣстію. Въ крайнемъ безпокойствѣ о готовящейся ему напасти, призвалъ онъ къ себѣ сына Тайгуна и объявилъ ему обо всемъ. Тайгунъ предостерегъ отца, сказавъ, что весьма опасно вдругъ этому повѣрить, что Темутчинъ до настоящаго времени постоянно оказывалъ дому ихъ дружбу, и что посему ни подъ какимъ видомъ не должно показывать съ ихъ стороны явной къ нему недовѣрчивости; впрочемъ, онъ совѣтовалъ

хранить втайнѣ это предостереженіе, принять мѣры для наблюденія за поступками Темутчина, и скрытно готовить всѣ нужныя распоряженія на случай недоброжелательнаго съ его стороны покушенія. Благоразумный совѣтъ сына былъ принятъ, тѣмъ болѣе, что Аунекъ-Ханъ не могъ забыть пособія, оказаннаго дому ихъ отцомъ Темутчина, который во время нападенія на Аунека его братьевъ, стремившихся низложить его, разрушилъ ихъ замыслы, не имѣя въ виду никакой собственной пользы. Причемъ они положили отправить къ нему посольство, которое засвидѣтельствовало бы, что оказанныя имъ благодѣянія всегда хранятся въ ихъ памяти, и что они, уважая благорасположеніе Темутчина, просятъ о продолженіи его дружбы, и предлагаютъ ему еще болѣе укрѣпить союзъ между ихъ домами черезъ посредство брака сына Темутчина съ дочерью Аунека. Посланнымъ, сверхъ того, поручено было склонить грознаго завоевателя посѣтить Аунека, дабы принять рѣшительныя мѣры и избавиться отъ безпрестаннаго опасенія.

Темутчинъ принялъ посла благосклонно, и, не знавъ нисколько о ложномъ увѣдомленіи, Чамукомъ Аунекъ-Хану сдѣланномъ, уважая притомъ желаніе и просьбу Аунека, поѣхалъ къ нему въ сопровожденіи двухъ токмо чело-

вѣкъ. Встрѣтившись на дорогѣ съ вотчимомъ своимъ, Менглинъ-Ичкою, онъ узналъ отъ него о злоумышленіи Аунекъ-Хана, и, подъ видомъ приключившагося припадка, воротился домой съ дороги. Скрывая мщеніе, онъ, великолѣпно угостивъ посольство, отпустилъ его съ отвѣтомъ, что по причинѣ болѣзненнаго состоянія, не можетъ до выздоровленія исполнить желанія друга своего, но что, нетерпѣливо желая скораго свиданія съ Аунекомъ, онъ черезъ нихъ же проситъ его къ себѣ для заключенія дружескаго союза и принятія сдѣланнаго ему предложенія; что укрѣпившись въ силахъ, онъ самъ не замедлитъ посѣтить Аунека. Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда посольства, два простые служители, Баду и Катликъ, пришедъ къ Темутчину, испросили позволенія видѣть его наединѣ, и будучи допущены, открыли ему слѣдующее: „Господинъ ихъ, одинъ изъ офицеровъ „Аунека Хана, разсказывалъ за тайну женѣ „своей, будто, стоя за дверьми, слышалъ разго„воръ Аунека съ возвратившимися послами, о „неудачѣ своего перваго предположенія, о на„мѣреніи напасть нечаянно на Темутчина, преж„де нежели онъ можетъ возымѣть о томъ по„дозрѣніе, и расположеніи для сего отправить„ся въ походъ въ самомъ скоромъ времени, „чтобы застать его въ расплохъ; они же, опаса-

„ясь столь гибельныхъ для Темутчина замы-„словъ, ушли тайно съ тѣмъ, чтобы о семъ „его предостеречь.“ Темутчинъ оставилъ вѣстниковъ у себя, обѣщавъ имъ щедрую награду, если извѣтъ ихъ окажется справедливымъ; между тѣмъ, не теряя времени, онъ потребовалъ къ себѣ ближайшія войска, и немедля нимало, собравъ около себя въ удобномъ мѣстѣ не болѣе 2500 человѣкъ, далъ приказаніе, чтобы они держали въ поводьяхъ коней своихъ, и ежеминутно были готовы къ сраженію. Таковая предосторожность была ненапрасна. Передъ восхожденіемъ солнца услышали приближеніе Аунека, съ войскомъ, несравненно многочисленнѣйшимъ. Темутчинъ, по совѣту съ опытными начальниками, раздѣлилъ свой отрядъ, и взявши къ себѣ третью часть, сѣлъ въ засаду; поставленное имъ на виду войско заняло мѣсто, гдѣ надлежало проходить непріятелю, и едва его авангардъ показался, какъ съ обоихъ фланговъ противъ него поведена стремительная аттака. Непріятели, не имѣвшіе возможности замѣтить одной части войскъ, совершенно были разстроены такимъ внезапнымъ нападеніемъ, и обратились въ бѣгство, претерпѣвъ большой уронъ. Аунекъ съ своимъ сыномъ напрасно спѣшилъ на подкрѣпленіе къ войску, потерявшему бодрость. Между тѣмъ и Темутчинъ, съ своимъ отрядомъ,

выждавъ удобное время, ударилъ неожиданно, и довершилъ пораженіе непріятеля. Войскамъ Темутчина осталось только преслѣдовать и убивать бѣгущихъ. Сынъ Аунекъ Хана, Тайгунъ, успѣлъ спастись, тяжело раненный. Темутчинъ, довольствуясь симъ первымъ успѣхомъ, для сбереженія своихъ людей, рѣшился распустить ихъ, не дожидая непріятельскаго нападенія, со всѣми его силами, и отошелъ къ мѣсту, называемому Балчуна-Балакъ, гдѣ оставался его обозъ со всѣми принадлежностями. Но какъ это мѣсто, по недостатку воды, оказалось неудобнымъ, то онъ подался еще назадъ до рѣки Калассуи, во владѣніе родственника своего, Туркъ-Илли, котораго немедленно увѣдомилъ о своемъ прибытіи и желаніи съ нимъ лично видѣться. Туркъ-Илли принялъ это посланіе съ подобающею почестью, и выѣхалъ къ нему на встрѣчу. Послѣ взаимнаго изъявленія дружества, они провели нѣсколько дней въ пиршествахъ и увеселеніяхъ. Вслѣдствіе этого свиданія, Туркъ-Илли присоединился съ своимъ войскомъ къ Темутчину, который черезъ то весьма усилился.

Вскорѣ Темутчинъ отправилъ одного изъ своихъ приближенныхъ, именемъ Архайзунбая, къ Аунекъ-Хану Караитскому, съ упрекомъ въ его коварномъ противъ него поступкѣ, вмѣсто должной признательности къ благодѣянію отца

его, который спасъ его отъ совершеннаго истребленія; Темутчинъ присовокупилъ къ тому, что ожидаетъ его оправданія, буде оно для него возможно.

Аунекъ-Ханъ, тронутый справедливою укоризною, извинялся, что былъ увлеченъ къ тому ложными извѣщеніями о вредныхъ противу него намѣреніяхъ Темутчина, и что, тревожимый безпрестанными опасеніями, по совѣту сына своего, Тайгуна, рѣшился онъ отвратитъ опасность ослабленіемъ силъ Темутчина, и упрочить такимъ образомъ свое могущество. Но какъ теперь, вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, и онъ не имѣетъ болѣе надежды на искреннее примиреніе съ Темутчиномъ, то находитъ себя уже въ необходимости дѣйствовать открыто; опасаясь содѣлаться жертвою легковѣрія, почитаетъ за лучшее предаться на волю судьбѣ своей и готовиться къ оборонѣ.

Темутчинъ, получивъ столь неблагопріятный отзывъ, собралъ свои войска, и выступилъ противъ Аунекъ-Хана. Вскорѣ враждующія войска встрѣтились. День склонялся къ вечеру, и потому съ обѣихъ сторонъ ограничились приготовленіями къ бою на слѣдующее утро. Темутчинъ, знавши лучше его военное дѣло, скрылъ часть своего войска въ засадѣ, чтобы нечаяннымъ нападеніемъ привесть непріятеля въ за-

мѣшательство; напротивъ того, Аунекъ-Ханъ расположился дѣйствовать открытою силой.

Лишь только заря начала заниматься, какъ Аунекъ сдѣлалъ движеніе впередъ. Темутчинъ стоялъ неподвижно, и допуская непріятеля сравниться съ мѣстомъ засады, по приближеніи его, завязалъ кровавый бой. Аунекъ дѣйствовалъ отчаянно, но когда, посреди сраженія, вдругъ ударили на него засѣвшія въ засадѣ войска Темутчина, робость овладѣла имъ, и онъ претерпѣлъ совершенное пораженіе. Побѣжденный Аунекъ, съ больнымъ сыномъ своимъ, пустился въ бѣгство, и все принадлежащее ему оставилъ въ рукахъ побѣдителей, заботясь только о спасеніи своей жизни. Въ бѣгствѣ своемъ онъ бросился во владѣніе сосѣдственнаго Хана Найманскаго; но, на бѣду свою, встрѣтилъ двухъ его военачальниковъ, которые знали, что Ханъ ихъ давно питаетъ вражду къ Аунеку. Не смотря на то, что онъ имъ представлялъ свое несчастное положеніе, и искалъ покровительства, они разсудили не упустить случая выслужиться у своего Хана, и приказали убить Аунека съ сыномъ Тайгуномъ, прочихъ же, бѣжавшихъ съ нимъ, взять въ плѣнъ, что немедленно и было исполнено. Но злодѣйство обратилось къ ихъ же собственной погибели. Когда убійцы пред-

ставили Хану Найманскому отрубленныя головы злополучнаго Аунека и сына его, и объявили, что они искали убѣжища и покровительства, то разгнѣванный Ханъ сказалъ имъ, что „не слѣдовало такъ безчеловѣчно поступать, „особенно знавши, что Аунекъ искалъ спасенія, „присовокупивъ къ тому, что въ такомъ случаѣ и онъ самъ, не смотря на всѣ свои неудовольствія противу Аунека, пощадилъ бы его, „и не причинилъ бы ему вреда; но какъ они, „сверхъ того, самовольно произвели судъ и „исполнили приговоръ надъ особою, равною съ „нимъ саномъ, и черезъ то не ему оказали истинную услугу, а Темутчину, опасному уже „для всѣхъ владѣтелей, то убійство Аунека, „который, оставаясь въ живыхъ, могъ бы ему „еще много вредить и быть преградою къ дальнѣйшимъ его предпріятіямъ, онъ почитаетъ „противнымъ для пользы своего государства „поступкомъ.“ И въ наказаніе, повелѣлъ отрубить обѣимъ головы.

II.

ПРИНЯТІЕ ТЕМУТЧИНОМЪ ПРОЗВАНІЯ ЧИНГИСЪ - ХАНА.

Темутчинъ, одержавъ совершенную побѣду надъ Аунекъ-Ханомъ, вступилъ въ его владѣніе, которое и присоединилъ къ собственному.

Поставивъ въ немъ своихъ правителей, и умноживъ свою армію побѣжденными войсками, онъ возвратился въ отечество. Тутъ ознаменовалъ онъ свою побѣду великимъ торжествомъ, и роздалъ, по усмотрѣнію, награды всѣмъ подвизавшимся съ нимъ военачальникамъ изъ имущества раззоренныхъ непріятелей и плѣнныхъ. Шатеръ его, занимавшій большое пространство, украшенъ былъ всѣмъ, что по тогдашнему вкусу являло величіе и пышность; возвышенное мѣсто, на которомъ Темутчинъ сидѣлъ, окружили знатнѣйшіе чиновники; во всю длину шатра разостланъ былъ великолѣпный красный коверъ. Тутъ представлялись ему знаменитѣйшіе плѣнники его, обремененные оковами; осмотрѣвъ ихъ, онъ приказалъ ихъ вывесть.

Затѣмъ, всталъ съ своего мѣста Темутчинъ, преклонилъ колѣно, для принесенія Небу благодаренія за ниспосланную ему силу въ преодолѣніи своего коварнаго противника, скрывавшагося подъ видомъ пріятеля и друга, и особенно за сохраненіе свое при первомъ его покушеніи, гдѣ онъ, по малому числу войска, могъ бы погибнуть невозвратно. Всѣ присутствующіе пали ницъ и совершили девятикратное поклоненіе. Когда же Темутчинъ, вставъ, сѣлъ опять на свое мѣсто, то вновь изъявилъ свою признательность своимъ храбрымъ спо-

движникамъ, и объявилъ имъ о наградахъ. Осыпаемый ихъ благодареніями, онъ удалился во внутренніе покои, но неожиданно былъ остановленъ представшимъ, извѣстнымъ народу, пустынникомъ Какчемъ, который громогласно объявилъ Темутчину, бывшему среди знаменитѣйшаго собранія во всемъ своемъ величіи и славѣ, будто бы онъ присланъ къ нему отъ Бога съ повелѣніемъ принять имя *Чинъ* и *Гисъ*, и чтобы подданные признавали его подъ симъ именемъ; что съ нимъ сопряжено счастіе подвластныхъ ему и послѣдующихъ его власти народовъ; что родъ его чрезъ то будетъ возвышенъ на землѣ; что онъ содѣлается великимъ обладателемъ, а потомки его изъ вѣка въ вѣкъ властелинами многихъ народовъ. На Монгольскомъ нарѣчіи слова: *Чинъ* и *Гисъ*, значатъ: *великій*, *превосходящій*, а совокупно *наивеличайшій*. Этотъ предсказатель, пустынникъ Какчей, велъ особый родъ жизни. На него не имѣло вліяніе никакое дѣйствіе стихій, разрушительное для другихъ людей. Морозы, жары, недостатокъ въ пищѣ и одеждѣ онъ переносилъ съ великою легкостью, и по такимъ его свойствамъ, почитался въ народѣ какъ-бы святымъ, избраннымъ.

Такое явленіе сперва показалось удивительнымъ, а потомъ предсказаніе, принятое за

истинну, всѣхъ обрадовало. Вслѣдствіе чего, всѣ падши передъ Темутчиномъ, совершили девятикратное поклоненіе, и провозгласили его *Чингисъ-Ханомъ*, о чемъ немедлено объявлено всему войску.

Чингисъ, принявъ это прозваніе, какъ опредѣленное ему по волѣ Небесъ, палъ передъ жертвенникомъ, принесъ *Тіэну* обычное поклоненіе, и признательность Создателю міра, благодарилъ возвѣстившаго волю Всевышняго, посадилъ его близъ себя съ лѣвой стороны, и произнесъ обѣщаніе всю жизнь свою посвятить увеличенію славы своего племени и подвластныхъ ему поколѣній. Надъ шатромъ его развивалось девять знаменъ, означавшихъ его новое, высокое достоинство. Чингисъ явился къ войску, произвелъ ему смотръ, и оно встрѣтило его радостными восклицаніями. Возвратясь въ шатеръ, онъ пригласилъ знатнѣйшихъ особъ къ пиршеству, а предвозвѣстителю своему Какчею предложилъ въ награду все что пожелаетъ: но пустынникъ ничего не принялъ. Чингисъ назвалъ его Княземъ первой степени. Какчей и на эту почесть не обратилъ вниманія, и не изъявилъ никакого знака благодарности По извѣстному его образу жизни и правиламъ, самоотверженіе никого не удивило, ибо въ глазахъ его всѣ оболь-

стительные предметы въ свѣтѣ казались ничтожными. Вкорѣ онъ удалился отъ Двора, которому возвѣстилъ величіе и славу, и скрылся въ свое уединеніе.

Изъ числа отложившихся Князей во время малолѣтства Чингиса, владѣтельный Ханъ Таянъ Найманскій болѣе всѣхъ опасался усиливающагося завоевателя. Видя близкій примѣръ, какимъ образомъ поступилъ онъ съ побѣжденнымъ Аунекъ-Ханомъ, съ сыномъ его Тайгуномъ, и особенно съ значительнѣйшими военачальниками, лишивъ ихъ жизни самымъ лютымъ и неслыханнымъ образомъ, онъ разсудилъ, что въ случаѣ несчастія, при нападеніи на него Чингисъ-Хана, и онъ съ родомъ своимъ неминуемо подвергнется таковой же участи. А какъ одинъ страхъ нападенія его покорялъ ему нѣкоторыхъ владѣтелей, къ чему и онъ долженствовалъ прибѣгнуть для отвращенія величайшихъ бѣдствій: то онъ и рѣшился, для отвращенія такой участи, склонить нѣкоторыхъ владѣльцовъ, подобно ему страшившихся могущества Чингисъ-Хана, вступить въ союзъ, чтобы соединенными силами стремительно напасть на общаго врага, и если не удастся совсѣмъ низложить его, то по крайней мѣрѣ обезсилить съ самаго начала, дабы тѣмъ удержать боязливыхъ владѣтелей, колебавшихся, надле-

жить ли имъ признать его власть? Утвердясь такимъ образомъ въ этомъ предположенiи, онъ отправилъ вѣрнѣйшаго изъ своихъ родственниковъ къ Алакуку, Хану Унгутовъ, объяснить всѣ обстоятельства, представить предстоящую опасность и склонить его, не теряя времени, къ соединенному дѣйствiю.

Алакукъ уважилъ приглашенiе Таяна, но отложилъ рѣшительный отвѣтъ до слѣдующаго дня, дабы имѣть время обдумать средства къ столь важному и рѣшительному предпрiятiю. Угостивъ присланнаго отъ Таяна, и отведя ему для отдыха особые покои, онъ просилъ его придти къ нему въ полдень за отвѣтомъ, и дружелюбно съ нимъ распростился. Присланный отъ Таяна, удостовѣрившись въ благорасположенiи Алакука-Хана, предался покою съ совершенною безпечностью, тогда, какъ въ то же время, Алакукъ, возвратясь къ себѣ, замышлялъ совсѣмъ противное. Увѣдомясь отъ приставленныхъ къ нему для прислуги людей, что гость заснулъ, онъ, въ полночь, тихонько созвалъ къ себѣ приближенныхъ чиновниковъ, и, представя имъ сдѣланное отъ Таяна-Хана предложенiе, самъ удалился, въ ожиданiи ихъ окончательнаго постановленiя.

Совѣщанiе производилось въ глубокой тишинѣ. Тамъ положили, что предложенiе

Таяна-Хана заслуживаетъ уваженія и доказываетъ его предусмотрительность; что онъ на то рѣшился, предвидя близкую свою погибель, какъ первая жертва, по близкому сосѣдству мщенія Чингисова; что будучи противу него слабъ, ищетъ подпоры въ другихъ, имѣя въ виду только собственное свое спасеніе и не заботясь о томъ, какимъ бѣдствіямъ подвергнутся его союзники отъ возстанія противу сильнаго и чрезъ мѣру мстительнаго противника; что было бы неосторожно вести переговоры вдвоемъ, не удостовѣрившись въ присоединеніи прочихъ владѣтелей, не покорившихся еще Чингису, но пребывающихъ только въ нерѣшимости признать его власть, и что скорый отвѣтъ, котораго требуетъ Таянъ, можетъ быть причиною погибели собственнаго ихъ племени. А потому рѣшено было объявить Хану Алакуку, что приглашеніе коварнаго Таяна, искавшаго союза подъ видомъ опасности, явной только для него одного, должно быть отвергнуто, яко сопряженное съ неизбѣжными бѣдствіями. Вслѣдствіе чего полагаютъ, не только уклониться отъ предлагаемаго союза, но чтобы избѣгнуть злополучной участи могущественнаго между ними Аунека, искать благорасположенія сильнаго Чингиса,

всѣми средствами, какія самъ Алакукъ найдетъ пристойными, для выгодъ собственнаго своего народа и ему подвластныхъ племенъ.

Въ назначенное Алакукомъ время явился къ нему одинъ только изъ совѣщателей инкогнито, и отъ имени всѣхъ сообщилъ ихъ общее заключеніе. Между тѣмъ Алакукъ успѣлъ и самъ обдумать настоящее свое положеніе, и чтобъ не быть увлечену въ опасныя обстоятельства, онъ твердо положилъ искать для себя расположенія Чингиса, которое почиталъ полезнымъ и спасительнымъ; почему, бывъ подтвержденъ въ своемъ намѣреніи мнѣніемъ совѣта, онъ рѣшился не входить съ Таяномъ ни въ какую связь, и руководствуясь однимъ разсчетомъ или страхомъ, отправилъ въ тотъ же день несчастнаго посланника Таяна къ Чингису, съ подробнымъ увѣдомленіемъ о предположеніяхъ Найманскаго Хана, и съ увѣреніемъ въ постоянномъ къ нему Чингису усердіи.

Чингисъ, по полученіи столь неожиданнаго извѣщенія, крайне удивился, но вмѣстѣ и обрадовался. Созвавъ своихъ первѣйшихъ сановниковъ, онъ объявилъ имъ о всемъ подробно. Нѣкоторые стали ему представлять всю трудность похода въ неблагопріятное время года, и разныя другія неудобства. Но Чингисъ, же-

лая только отомстить скорѣе коварному Таяну, все отринулъ и приказалъ собрать поспѣшно свое войско, и выступить безъ замедленія, чтобы предупредить дальнѣйшія предпріятія врага своего, который чрезъ невозвращеніе посланнаго своего къ Алакуку, скоро узнаетъ, что его замыслы обнаружены: почему и похода нельзя откладывать, ибо Таянъ, потерявъ всякую надежду на помощь Алакука, будетъ дѣйствовать отчаянно.

По данному повелѣнію, войска собрались и немедля нимало выступили. На походѣ Чингисъ узналъ черезъ лазутчиковъ, что Таянъ, преклонивъ на свою сторону Маркатовъ, Укротовъ и Цонгератовъ, соединился съ ними и успѣлъ уже перейти рѣку Алтай, съ тѣмъ, чтобы напасть неожиданно на него и нанести ему сильный ударъ. Но какъ Чингисъ не находился въ той безпечности, каковую полагалъ Таянъ, то и приказалъ всѣмъ войскамъ своимъ двинуться на встрѣчу противнику.

III,

ВОЙНА ПРОТИВЪ ТАЯНА-ХАНА НАЙМАНСКАГО, И ЕЯ ПОСЛѢДСТВІЯ.

Вскорѣ передовыя войска съ обѣихъ сторонъ остановились въ виду. Тогда Чингисъ-

Ханъ приказалъ родственнику своему, Чу-гинору, принять начальство надъ правымъ крыломъ, а лѣвое, въ первый еще разъ, поручилъ обучившемуся военному дѣлу въ низкихъ степеняхъ старшему своему сыну Чучи; самъ же принялъ начальство въ срединѣ, и, устроивъ войско на удобномъ мѣстѣ, стремительно напалъ на Таяна, который, къ несчастію своему и войска, получивъ тяжелую рану при самомъ началѣ сраженія, долженъ былъ оставить бой на произволъ судьбы; а какъ главные предводители его войскъ, въ продолженіе сраженія не получали отъ него разрѣшенія на свои донесенія и вопросы, и по чрезвычайной его слабости ожидали скорой его кончины, то оставя его въ покоѣ, согласились между собою сражаться до послѣдней возможности, дабы не испытать на себѣ извѣстной уже лютости Чингиса, и рѣшились умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Битва долго продолжалась съ большимъ ожесточеніемъ и потерею людей; между тѣмъ Таянъ-Ханъ, укрѣпясь нѣсколько, прислалъ приказаніе прекратить сраженіе, и покорясь судьбѣ, сдаться въ надеждѣ на великодушіе счастливаго Чингиса. Онъ сказалъ, что съ своей стороны очень признателенъ за ихъ услуги и усердіе; что видя ихъ вѣрность, крайне скорбитъ о томъ, что они добровольно идутъ на неминуе-

мую смерть, и проситъ ихъ позаботиться о своемъ спасеніи; самъ же онъ покоряется судьбѣ, столь для него непріязненной, и ожидаетъ конца, ею предопредѣленнаго. Но великодушные его военачальники, благодаря его, поручили донести, что они благодѣтельнаго совѣта его, для ихъ только пользы служащаго, не принимаютъ, а рѣшились умереть на полѣ сраженія. Тогда Ханъ Таянъ, видя неминуемую свою гибель, рѣшился, по совѣту приближенныхъ, спасаться бѣгствомъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ и съ нѣкоторыми избранными особами: но, изнуренный болью раны, онъ не могъ выдержать столь горькихъ испытаній, и кончилъ жизнь на пути. Сынъ его, Кутшлукъ, одинъ искалъ себѣ спасенія у роднаго своего дяди Байракъ-Хана, владѣльца не могущественнаго, но который, видя Кутшлука въ столь несчастномъ положеніи, и не взирая на собственную опасность, изъ одного состраданія, принялъ его подъ свой кровъ.

Между тѣмъ Чингисъ одержалъ совершенную побѣду: большую часть плѣнныхъ велѣлъ умертвить, а прочихъ частью приказалъ размѣстить въ войскѣ, частью роздалъ въ невольники своимъ чиновникамъ, знатнѣйшихъ же отослалъ за стражею въ мѣсто своего жительства, съ приказаніемъ содержать ихъ до своего

возвращенія. Пробывъ нѣсколько времени на мѣстѣ сраженія, онъ сдѣлалъ нужныя въ войскѣ распоряженія; по случаю же приближенія зимы, дальнѣйшія предпріятія на счетъ Таяновыхъ владѣній отложилъ до времени, и расположился зимовать въ ближнихъ квартирахъ. Съ наступленіемъ весны онъ пошелъ съ войскомъ въ землю Маркатовъ. Ханъ ихъ, Тохтабега, во многихъ случаяхъ показывалъ недоброжелательство Чингису, и помогалъ воевать самому Таяну; но замѣтивъ, что войска Чингиса одолѣваютъ, онъ тайно съ войскомъ отошелъ отъ Таяна и скрылся у родственника своего, Найманскаго же рода, Хана Байрака, къ которому прибѣгнулъ и Кушлукъ послѣ своего разбитія.

Чингисъ, узнавъ о побѣгѣ Тохтабега, вступилъ безъ сопротивленія въ его область. Для приведенія ея въ свое подданство, и для другихъ необходимыхъ распоряженій, онъ оставилъ тамъ часть своего войска съ надежными начальниками; самъ же, пользуясь благопріятными обстоятельствами, видя, что главнѣйшія племена и ихъ владѣтели приходятъ отъ него въ робость и разстройство, и умножа войска свои побѣжденными, поспѣшилъ выступить въ Тарутъ къ владѣтелю Танбеку, который, будучи старъ и бездѣтенъ, не имѣлъ даже надежныхъ

предводителей, и въ такой крайности почелъ за полезнѣйшее запереться въ городѣ, обнеся оный нужными, на скорую руку устроенными укрѣпленіями, гдѣ и рѣшился защищаться до послѣдней возможности.

Чингисъ, приславшій къ нему съ требованіемъ покорности и подданства, получилъ отъ Танбека рѣшительный отказъ. Въ крайнемъ негодованіи, приказалъ онъ начать осаду; къ ней приступили немедленно, но всѣ усилія оставались нѣсколько недѣль безуспѣшными. Осажденные защищились во время приступовъ отчаянно; войско Чингиса претерпѣло большой уронъ, и потеря людей еще болѣе увеличилась отъ наступившихъ жаровъ и недостатка чистой воды, причинившихъ смертоносныя болѣзни, что заставило его рѣшиться на приступъ со всѣми своими силами. Такимъ образомъ, Чингисъ овладѣлъ Тарутомъ, истребилъ всѣ сдѣланныя укрѣпленія, и плѣнилъ самого Танбека, который, бывъ ему представленъ, началъ смѣло и дерзко укорять его за учиненное на него неправедное нападеніе, и нанесенныя бѣдствія; что онъ кромѣ желанія защищать себя и подвластныхъ своихъ, не имѣлъ противъ него никакого злаго намѣренія; что Чингисъ жаждетъ одной ложной славы и крови, коею упивается, нанося людямъ бѣдствія,

и потому долженъ будетъ за чрезмѣрныя жестокости свои и алчность къ грабительству дать отвѣтъ предъ Богомъ; а въ заключеніе просилъ оставить его окончить въ уединеніи жизнь, которая не можетъ быть продолжительна, народу же оказать милосердіе и пощаду. Казалось, Чингисъ все сіе слушалъ съ терпѣніемъ, и не обнаруживалъ оскорбленія за дѣлаемые ему справедливые упреки: но онъ руководствовался самою звѣрскою политикою; покоряя народы, онъ ослаблялъ и истреблялъ все, что противилось его могуществу, не щадя крови даже своихъ собственныхъ людей. Когда старецъ окончилъ рѣчь, Чингисъ, возвыся руку, повелъ ее горизонтально, не сказавъ ни слова. Этотъ знакъ заключалъ въ себѣ смертный приговоръ, который былъ понятенъ для окружающихъ Чингиса; въ одно мгновеніе Танбека вывели изъ шатра и отсѣкли ему голову. Подвластные Танбеку города и селенія, узнавъ о погибели своего Хана, безмолвно стали покоряться. Но, не смотря на ихъ готовность, Чингисъ позволялъ своимъ войскамъ всякое насиліе и грабежъ, въ награду за перенесенные ими труды и опасности, чѣмъ самымъ пріучилъ ихъ къ побѣдамъ, такъ, что они, имѣя въ виду вѣрную добычу, рѣшались на все, совершали отважнѣйшія нападе-

нія, которыя всегда увѣнчевались успѣхами, гибельными для непріятелей. Чингисъ, приведя дѣла въ Тарутѣ въ желаемое положеніе, и расположивъ часть войскъ своихъ удобнымъ образомъ для предстоящаго на слѣдующую весну похода, съ остальнымъ возвратился зимовать въ свое родовое владѣніе, гдѣ представлены ему были знатнѣйшіе плѣнные, содержавшіеся въ оковахъ по низложеніи Таяна. Осмотрѣвъ ихъ, онъ всѣхъ, безъ пощады, предалъ смертной казни. Нѣкоторыхъ, захваченныхъ женщинъ и дѣвицъ, наиболѣе отличавшихся красотою, оставилъ при себѣ, прочихъ роздалъ своимъ воеводамъ; праздное время посвятилъ увеселеніямъ и торжеству; а старшаго сына Чучи, возвелъ въ достоинство полководца, замѣтивъ въ немъ много способностей къ военному дѣлу.

IV.

ВОЙНА ПРОТИВЪ БАЙКАРА, ДРУГАГО ВЛАДѢЛЬЦА НАЙМАНСКАГО.

Наступило удобное время для новыхъ предпріятій. Помня поступки Байкара, при-

нявшаго къ себѣ сына Таянова, Кутшлука, и предъ тѣмъ бѣжавшаго съ мѣста сраженія Маркатскаго, Тохтабега, Чингисъ двинулся съ войскомъ къ его владѣнію—къ самому мѣсту его постояннаго пребыванія. Байкаръ, не ожидавши столь скораго нападенія, находился въ совершенной безпечности. Во время нашествія Чингиса, онъ отлучился на облаву, а какъ это мѣсто было не въ дальнемъ разстояніи, то Чингисъ отрядилъ потребное число войскъ въ ту сторону, приказавъ поймать Байкара живаго, и всѣхъ, кто при немъ ни есть, представить къ себѣ.

Посланные съ порученіемъ исполнили приказаніе въ точности; схватили Байрака и нѣкоторыхъ его приближенныхъ, и представили Чингису, который сталъ укорять Байкара въ его поступкахъ. Напрасны были всѣ оправданія: Чингисъ не хотѣлъ и слышать ихъ, а особенно упрековъ попавшихся ему въ руки несчастныхъ плѣнныхъ. Онъ не терпѣлъ моленій о милосердіи, и въ то же время приказалъ отрубить имъ всѣмъ головы, желая кончить дѣло, и не быть отвлечену отъ дальнѣйшихъ предпріятій. Семейство злополучнаго Байкара, во время отъѣзда его на облаву, оставалось въ мѣстечкѣ Матурчевѣ въ совершенной безпечности, не ожидая столь близкой

опасности. Но когда явился Чингисъ, усердные служители поспѣшили къ своему владѣльцу и семейству его: но Байкара не успѣли предостеречь, а семейство его, получа еще заблаговременно извѣщеніе, равно какъ и бывшіе тутъ сынъ Таяна Кутшлукъ, и Тохтабега Ханъ Маркатовъ, они всѣ поспѣшили бѣжать къ берегамъ Иртыша, и остановились около озера Казено, размышляли о своемъ положеніи, и о томъ что надлежало имъ предпринять: всѣ терпѣли во всемъ недостатокъ, потому что, въ торопяхъ, не успѣли захватить съ собою даже нужнѣйшихъ вещей.

Напротивъ того, надменный Чингисъ, пріобрѣвъ область Маркатовъ, почти мимоходомъ и безъ сраженія, былъ совершенно доволенъ своими успѣхами и счастіемъ, и положилъ себѣ правиломъ знаменовать каждый годъ пріобрѣтеніями новыхъ владѣній. Оставя въ завоеванной землѣ Маркатовъ необходимыхъ для управленія этого края начальниковъ, съ добычею, захваченною въ домѣ Байрака и вельможъ его, Чингисъ возвратился на зиму въ свое родовое владѣніе, не упуская изъ виду приготовленія къ новымъ подвигамъ.

V.

ПОИСКИ ПРОТИВУ КУТШЛУКА И ТОХТАБЕГА.

Чингисъ, узнавъ, что все семейства Байрака поселилось на берегахъ Иртыша, повелъ свои войска въ ту сторону, и вступилъ въ землю Цонгератовъ и Карликовъ: надъ первыми начальствовалъ нѣкто изъ роду Хановъ Канабара, а надъ послѣдними Ханъ Арсанъ. Они, видя вторженіе непріятеля сильнаго, никогда не оставлявшаго недоконченными свои предпріятія, притомъ чуствуя невозможность сопротивляться ему, рѣшились покориться, и отправили къ нему знатнѣйшихъ вельможъ съ прошеніемъ о принятіи ихъ съ владѣніями подъ свое покровительство. Чингисъ, весьма довольный ихъ покорностію, назвалъ ихъ благоразумными, за то, что отвратили тѣмъ кровопролитіе съ обѣихъ сторонъ, и сохранили своихъ подданныхъ: чѣмъ исполнили обязанность владѣтелей, коимъ судьба вручила счастіе народовъ. Потомъ, съ подарками отпустилъ присланныхъ и далъ имъ грамату къ обоимъ владѣльцамъ, удостовѣрявшую въ его къ нимъ благорасположеніи и милости, требуя только, въ знакъ повиновенія, немедленной выдачи Кутшлука и Тохтабега. Но какъ тотъ и

другой проживали не въ ихъ владѣніяхъ, а нѣсколько позади, то, не могши исполнить въ то время его воли, они вызвались довести войска Чингисъ до мѣста, гдѣ они скрывались.

Кутшлукъ и Тохтабегъ узнали о приближеніи Чингиса, и предвидя свою гибель, бросились искать спасенія въ бѣгствѣ. Но Тохтабега, бывъ отъ природы тяжелъ, не могъ слѣдовать за Кутшлукомъ, былъ схваченъ и отосланъ къ Чингису, который велѣлъ ему немедленно снять голову. Князь Кутшлугъ, пробираясь одинъ непроходимыми лѣсами и болотами, чувствуя величайшую нужду и изнуреніе, и лишившись коня своего, пришедшаго въ изнеможеніе, кое-какъ пѣшкомъ добрался до владѣнія Каверъ-Хана въ Туркестанѣ, и явился къ нему въ самомъ жалкомъ видѣ, одѣтый въ рубище; и изнуренный отъ голоду и холоду, едва могъ объяснить обстоятельства несчастной своей жизни, и гоненія Чингисъ-Хана, преслѣдующаго его повсюду. Тронутый его положеніемъ, Каверъ-Ханъ принялъ его благосклонно, далъ ему средства возстановить свои силы, и когда Кутшлукъ совершенно оправился, Каверъ-Ханъ, замѣтивъ въ немъ много ума и воинской ловкости, полюбилъ его, и выдалъ за него единственную дочь свою.

Чингисъ, отложа до времени поиски противъ Кутшлука, убѣжище коего не было ему еще открыто, вдругъ, по неизвѣстной причинѣ, ранѣе обыкновеннаго времени возвратился въ свою столицу, гдѣ провелъ время до наступающей весны въ роскоши и увеселеніяхъ.

VI.
ПРЕДПРІЯТІЕ ЧИНГИСА ПРОТИВЪ КИРГИЗОВЪ.

Приготовляясь къ новымъ походамъ, Чингисъ послалъ двухъ своихъ вельможъ, Алтая и Тарамыша, къ Киргизамъ, которыми управлялъ ихъ Ханъ Урусъ-Иналъ, съ требованіемъ скорой отъ нихъ покорности и признанія его владычества. Это посольство привело всѣхъ Киргизовъ въ смущеніе; они, не зная на что рѣшиться, положили на общемъ совѣщаніи предоставить судьбу свою на произволъ и благоразуміе своего Хана. Урусъ-Иналъ, собразивъ всѣ обстоятельства своего положенія, удостовѣрился, что нѣтъ возможности противиться непобѣдимому Чингисъ-Хану, и вмѣстѣ съ послами отправилъ къ нему своего вельможу Сурека-Оглу, съ увѣреніемъ въ своей покорности, и съ подарками, достойными такого знаменитаго завое-

вателя, между прочимъ съ весьма рѣдкою птицею, называемою *Шунгарамъ*. Чингисъ все принялъ благосклонно, и Урусъ-Иналъ оставленъ въ своемъ званіи; но вмѣстѣ съ своими Киргизами, поступилъ въ зависимость Чингиса, который этимъ новымъ пріобрѣтеніемъ значительно усилилъ свое могущество.

Народъ ханства Джойгератскаго, узнавъ объ этомъ происшествіи, устрашился непреодолимой силы Чингиса, и дабы избѣгнуть нашествія непріятеля, разсудилъ съ своими владѣльцами предупредить такое бѣдствіе, и снискать его благосклонность оказаніемъ пріятной для него услуги, а именно: выдать ему скрывавшагося у нихъ Чамусъ-Чунека, того самаго, который нѣкогда возродилъ вражду между Аунекъ-Ханомъ и Чингисомъ, и былъ причиною перваго со всѣмъ его родомъ разрыва, а также гибели Таяна-Хана Найманскаго. Вслѣдствіе чего, отыскавъ Чамука, отослали его подъ стражею къ Чингисъ-Хану при избранномъ посольствѣ, которому поручено удостовѣрить его отъ всего ханства Джойгератскаго въ искреннемъ къ нему усердіи и готовности, на исполненіе всѣхъ его повелѣній. Къ тому присоединены были подарки изъ вещей и произведеній, какія только могли казаться достойнѣйшими его вниманія.

Посланные, прибывши съ своею жертвою въ станъ Чингиса, тотъ же часъ были къ нему допущены. Чингисъ очень былъ доволенъ покорностію племени Джойгератскаго, онъ подарковъ не принялъ, отозвавшись, что наиприятнѣйшій для него подарокъ—это предатель Чамукъ, который, будучи его приближеннымъ, открылъ его намѣреніе Аунеку-Хану, и тѣмъ подвергнулъ было его Чингиса совершенной гибели, по случаю бывшаго тогда при немъ слабаго числа войскъ, и что онъ спасся единственно чрезъ отчаянную оборону и преданность своихъ воиновъ, а наиболѣе еще волею Судьбы, возвышающей его надъ всѣми смертными. Послѣ чего, угостивъ посланныхъ, онъ отпустилъ ихъ въ обратный путь, съ увѣреніемъ въ своемъ покровительствѣ, требуя только присылки нѣкотораго числа вооруженныхъ людей; для присоединенія къ войску, назначенному къ дальнѣйшимъ подвигамъ. Несчастнаго же Чамука на другой день приказалъ казнить лютою смертію, отрывая по частямъ его члены; но Чамукъ, въ мученіяхъ, оказалъ твердость духа въ высшей степени; и не только не произнесъ ни слова о помилованіи, но, доколѣ еще въ силахъ былъ, говорилъ, что если бы Чингисъ къ нему попался, то онъ также бы поступилъ съ нимъ.

VII.

ПОКОРЕНІЕ УЙГУРОВЪ.

Слабое, небольшое племя Уйгуровъ въ то время управляемо было Княземъ Идукутомъ, подъ покровительствомъ Туркестанскаго Хана Кавера; уже нѣсколько лѣтъ Каверъ поступалъ самовластно и дѣлалъ требованія и распоряженія во внутреннемъ управленіи, тягостныя для этого народа. Присылаемые отъ него уполномоченные чиновники еще усугубляли тиранство своими прихотями и корыстолюбіемъ, отнимая все, что обращало на себя ихъ жадные взоры. До настоящаго времени, имъ не къ кому было прибѣгнуть, и они переносили всѣ эти бѣдствія, опасаясь отъ Кавера еще большихъ угнетеній и, можетъ быть, самаго присоединенія подъ власть его: почему и отправляли къ нему ежегодно подарки, и дѣлали разныя угожденія, чтобы тѣмъ удержать его въ нѣкоторой къ себѣ благосклонности. Когда же Чингисъ-Ханъ сталъ сильнѣйшимъ между всѣми племенами въ Монголіи, и самъ Каверъ-Ханъ сталъ его страшиться, то Князь Уйгуровъ Идукутъ, по совѣту съ своими приближенными, рѣшился прибѣгнуть къ покровительству сильнаго завоевателя, и тѣмъ избѣгнуть, чтобы Каверъ, въ случаѣ несогласія съ нимъ, не завлекъ ихъ

противъ Чингиса, отъ чего имъ надлежало бы быть первою его жертвою. Вслѣдствіе того не медля нимало, тайно отправлены были къ Чингису послы съ нужными наставленіями и съ дарами, дабы просить его милости и защиты отъ притѣсненій Кавера, Хана Туркестанскаго, и съ увѣреніемъ что какъ Князь Идукутъ, такъ и весь родъ Уйгуровъ съ покорностію предаютъ себя власти Чингисъ-Хана.

Услышавъ о причинѣ и цѣли сего посольства, Чингисъ чрезвычайно обрадовался, и немедленно созвавъ свое духовенство, приказалъ принести жертву божеству, покоряющему ему всѣ народы, и со всѣми окружающими его сановниками самъ изъявилъ благодарность колѣнопреклоненіемъ. Затѣмъ приказалъ представить предъ тронъ свой всѣхъ прибывшихъ пословъ. Выслушавъ ихъ, онъ оказалъ имъ особую благосклонность, и объявилъ, что отнынѣ народъ Уйгуровъ состоитъ подъ его особымъ попеченіемъ, и что для охраненія его немедленно приметъ всѣ надлежащія мѣры. Посланныхъ обнадежилъ особенными милостями и обѣщаніями почетныхъ мѣстъ въ своей арміи, по занятіи ихъ владѣнія. Такъ они были отпущены съ подтвержденіемъ, чтобы князь ихъ готовился ему содѣйствовать противъ Каверъ-Хана.

Каверъ-Ханъ былъ изъ такихъ владѣтелей, которыхъ низложеніе казалось довольно труднымъ; но какъ Чингисъ чрезъ подданство Уйгуровъ получалъ значительное умноженіе въ силахъ и способахъ своихъ, на противъ того неожиданное ихъ отложеніе растроивало Кавера, то борьба между ними и не могла быть равною. Сверхъ того Каверъ, не подавшій поводу къ войнѣ съ Чингисомъ, подвергался неожиданному нападенію. Жадный завоеватель радъ былъ, подъ видомъ оказанія нѣкоторой справедливости угнетеннымъ, начать войну, тѣмъ болѣе, что до прибытія посольства Уйгуровъ, оставался въ нерѣшимости, куда обратить свое войско на новые подвиги, и сосѣдственные владѣтели остерегались подать къ тому какой нибудь поводъ. Сама судьба указала ему путь къ стяжанію новой славы, и чтобы приступить скорѣе къ дѣлу, онъ далъ повелѣніе готовить все нужное къ выступленію войска, при первомъ удобномъ къ тому времени.

Князь Уйгуровъ, Идукутъ, принялъ съ восторгомъ благопріятный отзывъ Чингиса, совершенно соотвѣтствующій его желанію, и началъ втайнѣ готовиться къ войнѣ. Потомъ предъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, онъ поспѣшилъ явиться къ Чингису, чтобы лично увѣрить его въ своей готовности; при каковомъ свида-

ніи, онъ оказалъ такую преданность къ Чингису, что Чингисъ, полюбивъ его, рѣшился принять его въ свое семейство, и выдалъ за него свою дочь.

Пока при дворѣ Чингиса, по случаю брака его дочери, происходили увеселенія и торжества, Каверъ-Ханъ узналъ обо всемъ и о родственномъ союзѣ Идукута съ Чингисомъ. Смущенный этимъ извѣстіемъ, чтобы отвратить предстоявшую опасность, онъ немедленно вызвалъ всѣхъ своихъ чиновниковъ изъ владѣнія Уйгуровъ, и отправилъ ихъ въ станъ Чингиса съ дарами, для поздравленія его и Идукута, по случаю совершившагося брака, и для объявленія, что онъ Каверъ-Ханъ отказывается отъ всякаго вліянія на землю Уйгуровъ, по той причинѣ, что ихъ Князь пріобрѣлъ себѣ покровителя гораздо важнѣйшаго; и что онъ, отозвавъ всѣхъ своихъ чиновниковъ изъ владѣнія Уйгуровъ, и питая большое уваженіе къ Чингису, проситъ о его благорасположеніи, за что всегда будетъ готовъ выполнять всѣ его приказанія, и тѣмъ доказать истинное свое усердіе и споспѣшествованіе предпріятіямъ Чингиса.

Неожидаемое посольство Каверъ - Хана привело въ изумленіе какъ Чингиса, такъ и зятя его Идукута, и обезоружило ихъ отъ дальнѣйшихъ противу него предпріятій. Чингисъ,

видя изъ покорности Кавера новое приращеніе своего могущества, нашелъ безполезнымъ низложеніе его оружіемъ; но былъ только въ затрудненіи, что новаго предпринять. Склонность къ завоеваніямъ и жажда славы не давали ему покоя; счастіе, всегда его сопровождавшее, поселило въ немъ непреодолимую страсть къ войнѣ, и безъ боя и сраженій онъ не находилъ въ жизни никакого удовольствія; по нраву же своему мало помышлялъ о человѣчествѣ и народныхъ бѣдствіяхъ, словомъ Чингисъ былъ человѣкъ жестокосердый, не щадившій крови для пріобрѣтенія славы и могущества. Принявъ дары и покорность Кавера, онъ изъявилъ посланнымъ свое удовольствіе, обнадежилъ своею благосклонностію по мѣрѣ усердія Кавера, и такимъ образомъ отпустилъ присланныхъ чиновниковъ.

Наконецъ Чингисъ вспомнилъ, что Алтанъ, Китайскій Ханъ, называемый также Нинъ-Дзунъ, нѣкогда нанесъ какую-то обиду его отцу, и ему самому причинилъ нѣкоторыя стѣсненія, когда онъ еще былъ несовершеннолѣтенъ, оказывая ему, какъ слабому владѣльцу, даже презрѣніе. Это воспоминаніе возродило въ немъ жажду мщенія, и онъ немедленно рѣшился напасть на него всѣми своими силами, если онъ не покорится добровольно.

VIII.

ВОЙНА

ПРОТИВЪ АЛТАНА, ХАНА КИТАЙСКА-ГО (НИНЪ-ДЗУНА).

Чингисъ, для выполненія своего намѣренія, имѣя уже готовое къ походу войско, отправилъ къ Алтану посланникомъ Чихаджера, мужа отважнаго и умнаго, и приказалъ ему требовать покорности отъ Китайскаго Хана, и немедленно возвратился съ отвѣтомъ.

Когда Чихаджеръ, по прибытіи въ столицу Китая, сталъ настоятельно требовать, чтобы его допустили къ Хану, для объявленія ему о нетерпящемъ отсрочки дѣлѣ, о которомъ Чингисъ-Ханъ поручилъ ему переговорить лично, то, по докладѣ о томъ Алтану, онъ, собравъ своихъ министровъ, приказалъ представить къ себѣ Чингисова посла. Чихаджеръ, отдавъ почтеніе Хану, въ краткой рѣчи объявилъ, въ чемъ заключалось требованіе Чингиса, и что онъ ожидаетъ отвѣта прежде закрытія засѣданія совѣта.

Алтанъ Ханъ, будучи самъ на высокой и сильной степени владычества, изумился столь великой и неожиданной дерзости. Разгнѣванный Ханъ едва могъ владѣть собою до окончанія по-

сольской рѣчи, выполненіе которой долженствовало низвести его съ высоты величія въ ничтожество, и съ поспѣшностію отвѣчалъ, что онъ за таковую дерзость самого Чингиса, правителей, посольство, и все къ нему принадлежащее презираетъ, и готовъ рѣшить судьбу свою, или Чингиса, жребіемъ оружія, прибавя: „Пускай идетъ противъ меня: я готовъ его встрѣтить.“ Послѣ такого пріема, Чихаджеръ возвратясь къ Чингису, объявилъ ему отзывъ Алтана, и худой успѣхъ своего порученія.

Чингисъ зналъ, что Алтанъ не уважитъ его требованія, доколѣ не будетъ къ тому принужденъ силою, но желалъ сохранить видъ нѣкоторой справедливости, и не хотѣлъ напасть на него, не предваривши. Теперь, имѣя въ готовности свое войско, онъ вывелъ его въ поле, составивъ огромную силу присоединеніемъ частей отъ покорившихся его власти народовъ. Алтанъ, съ своей стороны, поспѣшалъ выйдти ему на встрѣчу, дабы не допустить далеко непріятеля въ свои владѣнія, и избравъ удобное мѣсто, остановился. Чингисъ же, приближаясь къ границамъ Китая, успѣлъ выжечь и разорить нѣкоторыя мѣста, принадлежавшія Алтану. Вскорѣ передовыя войска той и другой стороны встрѣтились. Чингисъ напалъ стремительно, и при первомъ разѣ нанесъ войску Алтана по-

раженіе, овладѣлъ нѣкоторыми близъ лежащими мѣстами и горами, и обратилъ на другой день главную свою силу на самого Алтанъ-Хана. Сраженіе продолжалось упорно нѣсколько дней, но на четвертый, войско Алтана ослабѣло, и подалось назадъ. Чингисъ усугубилъ напоръ и привелъ противника въ такое положеніе, что Алтанъ, опасаясь попасться въ плѣнъ, кинулся съ частію своихъ войскъ въ Ханбаликъ (по Китайски Пекинъ), свою сѣверную столицу. Запершись въ ней, онъ готовился выдержать осаду, доколѣ войска подойдутъ на помощь; но Чингисъ не сталъ тратить время на приступъ, а пользуясь бездѣйствіемъ Алтана, покорилъ подъ свою власть города почти безъ всякаго сопротивленія. Это самое и понудило Алтана искать средства къ спасенію. Чингисъ, миновавъ Ханбаликъ, стремился къ южнымъ областямъ, и съ каждымъ днемъ умножалъ свои силы. Въ этомъ критическомъ положеніи Алтанъ собралъ совѣтъ для разсужденія о томъ, что ему предпринять. Тогда нѣкто изъ знатнѣйшихъ двора его чиновниковъ, Джингъ-Джангъ, предложилъ требовать отъ Чингиса миръ, представляя, что мирное время дастъ способы приготовиться къ начатію войны, и къ вознагражденію сдѣланныхъ потерь; что счастіе Чингиса можетъ измѣниться, а настоящія утраты над-

лежитъ отнести къ тому болѣе, что Чингисъ, дѣлая требованіе, стоялъ уже въ готовности съ войскомъ, а со стороны Китайской оно было собрано съ поспѣшностію, лишившею средствъ все устроить въ надежномъ порядкѣ; что отъ сего самого, съ перваго дня встрѣчи, войска начали приходить въ разстройство; что остановить столь рѣшительнаго непріятеля, каковъ Чингисъ, нѣтъ другаго средства, какъ временная покорность и добровольныя жертвы; что наконецъ дальнѣйшая борьба безъ предварительнаго приготовленія средствъ, равно какъ и бездѣйствіе, могутъ навлечь невозвратимую гибель.

Лучшаго совѣта изъ всѣхъ бывшихъ въ собраніи подать никто не могъ, и потому всѣ съ нимъ согласились. Ханъ Алтанъ чрезмѣрно скорбѣлъ, что, будучи издревле государемъ великой имперіи, теперь находился принужденнымъ преклонить главу свою предъ счастливымъ воиномъ, который еще недавно почитался малозначущимъ владѣльцомъ; но дѣлать было нечего: такъ угодно было судьбѣ, и онъ покорился ея опредѣленію. Вскорѣ наряжено было отъ Алтана посольство къ Чингису съ покорною граматою, съ признаніемъ его повелителемъ, съ прошеніенъ мира, и для удостовѣренія въ истинной преданности, съ предложе-

ніемъ ханской дочери въ супружество грозному завоевателю. Чингисъ, изъявивъ на то соизволеніе, принялъ въ число женъ дочь Алтана, заключилъ миръ, оставя въ своемъ владѣніи нѣсколько завоеванныхъ мѣстъ, и оказалъ Алтану свою благосклонность; но на личное свиданіе съ нимъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, не согласился. При наступленіи осени, онъ спѣшилъ отдохнуть отъ трудовъ и торжествовать успѣхи свои на родинѣ, гдѣ оказалъ сподвижникамъ своимъ милости и разныя награды. Особенно осчастливлены имъ были всѣ происходящіе отъ племенъ, остававшихся вѣрными во время его малолѣтства, и не послѣдовавшихъ соблазнительному примѣру прочихъ измѣнниковъ и отложившихся отъ его власти, на которыхъ въ настоящее время возложена была большая тягость по службѣ.

Алтанъ Ханъ, устраняя явную свою гибель, въ сердцѣ терзался своимъ униженіемъ, и видя, что сѣверныя провинціи раззорены Монголами, поручилъ управленіе сѣверной столицы Ханбалыкъ (Пекинъ) своему сыну. Самъ же со всѣмъ дворомъ отбылъ въ южную столицу, въ укрѣпленный городъ Нанкинъ, окруженный каменными стѣнами, гдѣ и расположился жить въ ожиданіи благопріятной перемѣны обстоятельствъ.

Сынъ его, Мосуръ, Князь честолюбивый, но неопытный, вступя въ управленіе сѣверной столицы и ея окружностей, возымѣлъ ненависть къ нѣкоторымъ вельможамъ и чиновникамъ, относя столь важныя потери въ сраженіяхъ ихъ нерадѣнію, и въ гнѣвѣ своемъ приказалъ многимъ отрубить головы, другихъ же низвелъ на низкія степени по службѣ, не принимая никакихъ оправданій. Такое несправедливое и жестокое дѣйствіе, не только озлобило наказанныхъ опалою, но и тѣ, которые остались въ прежнемъ своемъ положеніи, почувствовали къ нему ненависть и отвращеніе, предвидя и себѣ подобную участь отъ столь безразсуднаго управленія: отъ этого вскорѣ произошло возмущеніе. Нѣкоторые изъ чиновниковъ, захвативъ съ собою все, что могли, поспѣшно удалились во владѣнія Чингисъ-Хана; главнѣйшіе изъ нихъ отправились къ нему съ объясненіемъ поступковъ жестокаго князя Мосура, »что какъ они, такъ и многія ищутъ Чингисова покровительства, и что большее количество городовъ усердно желаютъ быть въ его подданствѣ.« Чингисъ Ханъ сперва нѣсколько колебался по причинѣ недавно заключеннаго съ Алтаномъ договора; однако жъ скоро рѣшился дать благопріятный отвѣтъ просителямъ. Распространившаяся о томъ вѣсть побудила многихъ

отложиться явно отъ подданства Алтана и сына его, чему они, страшась Чингиса, не могли воспрепятссвовать, видя себя въ крайности. Мосуръ отправился къ отцу своему Алтану въ Нанкинъ, дабы лично объяснить о всемъ случившемся и представить истинное положеніе сѣверной части государства.

Чингисъ-Ханъ, хотя имѣлъ другіе виды къ завоеваніямъ, но какъ теперь благопріятствующая ему судьба невольно повергала его владычеству столь важное государство, то и рѣшился не пропускать сего случая, и притомъ, узнавъ объ отбы. іи Мосура, послалъ войско подъ начальствомъ опытнѣйшихъ генераловъ, Караджу и Мескана, приказавъ столицу и прочія мѣста занять и привесть въ его подданство, противящихся карать, а покорнымъ обѣщать покровительство. Армія не только нигдѣ не встрѣтила ни малѣйшаго сопротивленія, но напротивъ того по мѣрѣ вступленія въ города вездѣ находила благопріятное расположеніе жителей, готовность къ присоединенію и доставленію запасовъ и всякаго вспоможенія.

Вскорѣ Алтанъ извѣстился подробно о возмущеніи въ Ханбаликѣ и прочихъ мѣстахъ, и о нашествіи, вовсе неожидаемомъ, войскъ Чингисовыхъ. Онъ считалъ себя обезпеченымъ недавнимъ съ нимъ союзомъ, и притомъ полагалъ

что война могла возобновиться только тогда, когда онъ самъ найдетъ благопріятный къ тому случай: нашествіе войскъ Чингиса крайне его встревожило. Когда же получилъ онъ увѣдомленіе, что отправленный въ Ханбаликъ хлѣбъ, скотъ и припасы подъ охраненіемъ войска достались въ добычу Монголовъ, тогда, убѣдясь болѣе въ корыстолюбіи Чингиса, нежели въ его справедливости, впалъ въ отчаяніе, и отъ тяжкой печали, лишась силъ переносить бѣдствія, а съ другой стороны, страшась послѣдствій, отправилъ себя.

Начальники войскъ Чингисовыхъ безъ сопротивленія вошли въ сѣверную столицу. Собравъ всѣ сокровища, стоившія великихъ суммъ, отправили къ Чингисъ-Хану, съ подробнымъ донесеніемъ, и прося повелѣній, какъ поступать далѣе. Но Чингисъ разсудилъ самъ пріѣхать, дабы заняться распоряженіями касательно присоединенія занятыхъ областей и городовъ, разсупредѣлить мѣста для арміи, поставить для управленія чиновниковъ, ввесть новый порядокъ устройства, и исправить нѣсколько законы. Проведя въ сихъ занятіяхъ довольное время, возвратился для отдохновенія на родину, готовясь къ новымъ подвигамъ.

Первый послѣ сего походъ Чингиса былъ въ Тангуту; на пути онъ осадилъ городъ Ака-

шинъ, взялъ его безъ дальняго затрудненія, покоривъ еще нѣсколько мѣстъ, и располагался докончить завоеваніе всего Китая: это вскорѣ и послѣдовало бы, но къ счастію наслѣднаго Князя, сына Алтанова, Мосура (Ли Дзунъ), судьба остановила до времени намѣренія Чингиса.

Онъ узналъ, что извѣстный уже Князь Кутшлукъ скрывался отъ него у Кавера. Когда сей Ханъ отправилъ съ покорностію посольство къ Чингису, то Кутшлукъ, возненавидѣвъ за то своего тестя и покровителя, и боясь, чтобъ голова его не была утвержденіемъ столь опаснаго для него союза, не ожидая возвращенія посланныхъ отъ Кавера, оставя жену скрылся тайно, и проживалъ нѣсколько времени въ безвѣстности, питая злобу за покорность Кавера, и почитая его своимъ предателемъ.

Теперь открылось, что Кутшлукъ скрывался между племенами, принадлежавшими прежде его отцу Таянъ Хану, и возбуждалъ ихъ противъ Чингисовой власти, вспомоществуемый Магометомъ, Ханомъ Харасанскимъ. Къ нимъ пристали и нѣкоторые другіе, побѣжденные Чингисомъ, въ надеждѣ, что Магометъ, съ ихъ пособіемъ, въ силахъ будетъ противиться Чингису, и Кутшлука признали своимъ владѣтелемъ. Магометъ далъ совѣтъ Кутшлуку

пользоваться благопріятными обстоятельствами, и стараться низложить Кавера, подобострастнаго Чингисова союзника, который, если бы онъ, Кутшлукъ, отъ него благовременно не скрылся, то давно бы имъ отосланъ былъ, не смотря на родство, къ Чингису на жертву. Кутшлукъ, самъ бывши точно такого же мнѣнія, принялъ совѣтъ Магомета за дружескій, и предполагалъ, что въ случаѣ низложенія Кавера, ему, какъ близкому его родственнику, можно будетъ заступить его мѣсто, и слѣдовательно присоединя его владѣніе къ своимъ родовымъ, при помощи Хана Харасанскаго, противустать Чингису. Съ такимъ намѣреніемъ собралъ онъ значительное войско, напалъ на Кавера безъ увѣдомленія, и успѣлъ отторгнуть отъ него болѣе половины владѣній.

Въ то же время братъ убитаго Маркатскаго Хана, Тогда Беги Кудатъ, взбунтовалъ Наиманскихъ Хановъ, уже подданныхъ Чингису, и произвелъ чрезъ то великое разстройство, въ надеждѣ, что Чингисъ, будучи занятъ завоеваніемъ Китайскаго царства, не можетъ по прежнему дѣйствовать.

Извѣстясь о такихъ событіяхъ, Чингисъ противъ Кудата и взбунтовавшихся Маркатовъ послалъ двухъ своихъ военачальниковъ, Сунта и Каму Тушизара, съ немалымъ числомъ войска. Встрѣтясь съ Кудатомъ при рѣкѣ Цумуракѣ

они вступили въ сраженіе, скоро окончившееся, ибо Кудатъ, отдѣленный отъ своихъ союзниковъ, не имѣлъ тѣхъ средствъ и войска, сколько было на сторонѣ Чингиса. Кудатъ лишился жизни, войско его разбито и разсѣяно; побѣдители умерщвляли плѣнныхъ съ великимъ ожесточеніемъ, и однимъ сраженіемъ усмирили какъ Маркатовъ, такъ и соединившихся съ ними Туматовъ. Такимъ образомъ оба сіи племена вновь приведены въ подданство Чингиса; для наблюденія за ними поставлено нѣсколько областныхъ правителей со стороны Чинчиса, которые держали ихъ въ большемъ противъ прежняго стѣсненія и строгости.

Чингисъ, довольный скорымъ усмиреніемъ Маркатовъ и Туматовъ, не могъ однако успокоиться, имѣя въ виду сильнѣйшаго и болѣе предпріимчиваго Князя Кутшлука, потому въ особенности, что возмущеніе сего послѣдняго остановляло его дѣйствія противъ Китая, который онъ предположилъ покорить своей власти. Расположившись станомъ, онъ выслалъ противъ Кутшлука генерала своего Ченъ - Наяна съ немалымъ войскомъ, приказавъ неутомимо его преслѣдовать, и самъ, въ случаѣ нужды, приготовился на подкрѣпленіе Наяну. Между тѣмъ Кутшлукъ не успѣлъ соединиться съ Магометомъ, обнадежившимъ его значительною

помощію; скорая рѣшительность Чингиса въ отправленіи войскъ все разрушила, и Кутшлукъ долженъ былъ выступить противъ Наяна съ тѣмъ войскомъ, которое у него было. Онъ самъ однако встрѣтилъ Наяна; бой былъ продолжителенъ и жестокъ; но счастіе Чингиса преодолѣло, и Кутшлукъ былъ разбитъ. Примѣтивъ упадокъ и разстройство своего войска, онъ рѣшился вновь спасаться бѣгствомъ, съ малымъ числомъ за нимъ послѣдовавшихъ воиновъ; но воевода Чингиса, узнавъ о побѣгѣ, въ ту же минуту отправилъ гонцовъ, которые истребили большую часть бѣжавшихъ за Кутшлукомъ. Кутшлукъ, съ тремя проводниками, прибылъ въ мѣстечко Сареколлъ, близъ города Вадагшана, и искалъ мѣста, дабы укрыться; но Наянъ, узнавъ, что въ окрестности примѣчено нѣсколько проскакавшихъ конниковъ, началъ свои поиски. Кутшлукъ, не видя и здѣсь себѣ спасенія, пустился далѣе; но будучи преслѣдуемъ и схваченъ, онъ сильно отбивался, и палъ мертвый. Голова его представлена была Наяномъ Чингису, который въ знакъ своего довольства наградилъ Наяна и другихъ отличившихся. Въ возмущенныя мѣста онъ отправилъ для устройства порядка особыхъ чиновниковъ, а самъ занялся предположеніемъ, какъ отмстить Магомету, Хану Харазанскому, возбудившему къ возстанію Кутшлука.

IX.

ВОЙНА СЪ СУЛТАНОМЪ ХАРАЗАНСКИМЪ МАГОМЕТОМЪ.

Чингисъ, сдѣлавъ великія завоеванія и уничтоживъ своихъ противниковъ, составилъ важное и сильное государство изъ соединенныхъ областей и имѣлъ множество войска; старшій сынъ его Чуча уже оказалъ себя достойнымъ военачальникомъ; прочихъ сыновей своихъ, Угадая, Чаготая и Тауля, пріучилъ онъ также къ воинскимъ подвигамъ, въ которыхъ они уже отличались. А потому съ тѣхъ поръ онъ началъ уже чрезъ нихъ приводить въ дѣйствіе свои предположенія, поручая имъ отряды войскъ. Всѣмъ областямъ своимъ далъ одинаковые законы, совершенно сообразные съ временемъ и обстоятельствами; причемъ обнаружилъ столько знанія, что произведеныя ими нѣкоторыя перемѣны не оскорбляли никого, и всякій видѣлъ въ нихъ средство къ лучшему устройству и собственной безопасности. Достигши толикой степени величія, онъ могъ бы, казалось, успокоиться, но находилъ къ тому препятствіе въ сильномъ государѣ Харасамскомъ, Магометѣ, по наущенію коего возсталъ Кутшлукъ, и который могъ бы

сдѣлаться весьма опаснымъ, если бы предусмотрительностію своею Чингисъ не предупредилъ его союза съ Каверомъ. Сверхъ того пріобрѣтенныя имъ владѣнія содѣлали его предѣлы смежными съ Харазанскими, и война между двумя сильными государствами и ихъ владѣтелями казалась необходимою, потому болѣе, что они оба другъ друга опасались, ненавидѣли и питали взаимную недовѣрчивость.

Чингисъ Ханъ, покровительствуемый необыкновеннымъ счастіемъ, недавно возвысившись изъ владѣльцевъ незначущаго племени, не поставлялъ предѣловъ своей чрезмѣрной гордости. Онъ отправляетъ посольство къ великому древней фамиліи Хану Харазанскому Магомету съ требованіемъ, чтобъ онъ призналъ его за своего повелителя, обѣщая ему съ такимъ условіемъ спокойствіе; увѣряя, что ихъ соединеніе послужитъ обоимъ въ немалую пользу, и что всякое предпріятіе ихъ будетъ выполняться съ вѣрнымъ успѣхомъ; ибо никто на свѣтѣ не рѣшится оспоривать ихъ желаніе и имъ противится. Магометъ крайне огорчился симъ требованіемъ, видя явное коварство со стороны Чингиса. Сосѣдство Магомета останавливало отъ конечнаго покоренія Китайскаго царства. Предлагаемымъ союзомъ Чингисъ хотѣлъ обезопасить себя со стороны

важнаго соперника, а послѣ, покоривъ Китай и наиболѣе еще усилясь, обратиться съ оружіемъ на Магомета; и тогда—думалъ онъ—труднѣе будетъ противоборствовать столь ненасытному завоевателю. Сообразивъ все, онъ отвѣчалъ, что дастъ рѣшительный отвѣтъ на слѣдующій день, приказавъ въ то же время угостить посланныхъ съ честію, по достоинству ихъ государя. Отпустивъ же ихъ, собралъ своихъ вельможъ, открылъ имъ требованіе Чингиса, представилъ вмѣстѣ, что это дѣло великой важности, и касается цѣлости всего государства; что надлежитъ дѣйствовать противъ опаснѣйшаго врага; что потому слѣдуетъ сообразить всѣ обстоятельства и представить свое мнѣніе, какъ полезнѣе и безопаснѣе поступить въ этомъ случаѣ?

Послѣ долгихъ разсужденій, совѣтъ нашелъ совершенно основательнымъ слѣдующее мнѣніе о предложеніи Чингиса: на покорность не соглашаться, а сдѣлать ему убѣжденіе, чтобы не начиналъ войны безъ причины, и тѣмъ устранить напрасную пагубу и бѣдствіе народа съ обѣихъ сторонъ, и что хотя Магометъ довольно чувствуетъ себя въ силахъ отразить нападеніе, но не приступитъ ни къ чему, если не начнетъ Чингисъ. Мнѣніе это, представленное Магомету, было имъ

утверждено; а потому на слѣдующій день приглашено посольство Чингиса для выслушанія отвѣта. Магометъ Ханъ, желая сколько можно не подать причины къ малѣйшему неудовольствію, старался знаками уваженія смягчить нѣсколько надменность Чингиса; принялъ посольство его въ лучшемъ и великолѣпномъ отдѣленіи дворца своего, при собраніи вельможъ, сидя на своемъ тронѣ, и говорилъ, что отдавая почтеніе знаменитому государю Чингисъ Хану, не можетъ однако же унизиться до того, чтобы подчинить себя и государство свое его власти; но что весьма желаетъ пребыть съ нимъ въ мирѣ и спокойствіи. Если же не будетъ доволенъ такимъ расположеніемъ Чингисъ Ханъ, то онъ готовъ отражать силу силою, имѣя къ тому довольно способовъ, и тогда пусть судьба рѣшитъ жребій; но что самъ съ своей стороны не начнетъ непріязненныхъ дѣйствій.

Старшій изъ посольства Чингисова возразилъ, что онъ умоляетъ его, Магомета, исполнить добровольно требованіе великаго государя Чингисъ-Хана, которому ничто и никто противится не можетъ, ибо такъ предопредѣлено свыше, чтобы ему быть на землѣ первѣйшимъ властителемъ, что судьба и счастіе покровительствуютъ его начинаніямъ; что не было еще случая, чтобъ воля его не исполнилась;

что горе противящимся, и что наконецъ все это несомнѣнно доказано паденіемъ предъ нимъ многихъ царствъ и самаго Китая, сильнѣйшаго государства, покореніе коего даже не много труда ему стоило.

Хотя это убѣжденіе было сильно и подкрѣплено другими многими, но Магометъ объявилъ рѣшительно, что онъ кромѣ перваго отзыва, ничего болѣе объявить не можетъ, съ чѣмъ и отпустилъ посольство.

Чингисъ, получа отвѣтъ, по тонкой своей расчетливости, не разсудилъ до времени дѣлать большихъ усилій; будучи доволенъ обѣщаніемъ со стороны Магомета не начинать непріятельскихъ дѣйствій, оставилъ его въ покоѣ, занявшись нѣкоторымъ устройствомъ новыхъ владѣній своихъ, и давши особый удѣлъ старшему своему сыну Чучи, котораго назначилъ по себѣ преемникомъ. Спокойствіе между Магометомъ и Чингисомъ не долго продолжалось, и скоро ужасная война возгорѣлась отъ не предвидѣннаго случая.

Наслѣдственно подданные Чингису Монголы не имѣли ни городовъ, ни постоянныхъ жилищъ, провожали жизнь въ кибиткахъ, и переходя съ мѣста на мѣсто со всѣмъ своимъ имуществомъ, лошадьми и стадами рогатаго скота, занимали мѣста по ихъ удобности. Сосѣдственные наро-

ды, между прочимъ и подданные Магомета, пріѣзжали въ ихъ улусы съ товарами, и мѣняли ихъ на лошадей и рогатый скотъ, и такимъ образомъ, ознакомясь, продолжали эту торговлю.

Мауренцы, подвластные Магомету, узнавъ о пользѣ сей торговли, привезли во владѣніе Чингиса особаго рода товары, состоявшіе въ драгоцѣнныхъ матеріяхъ и тому подобныхъ предметахъ; почему и донесено было о томъ Чингису, который приказалъ ихъ къ себѣ представить. Чингисъ, осмотря все, большую часть назначилъ къ покупкѣ для своего двора, и особенно для своихъ женъ и другихъ женщинъ, въ сералѣ его жившихъ, и поручилъ у нихъ торговать. Купцы, желая симъ счастливымъ для ихъ корысти случаемъ воспользоваться, потребовали столь великой суммы, что обнаружили себя въ жадности къ прибытку. По прежнимъ покупкамъ для двора Чингиса, цѣны товаровъ были уже извѣстны. По донесеніи ему о ихъ чрезмѣрномъ требованіи, онъ почувствовавъ къ нимъ презрѣніе, отказалъ въ покупкѣ и велѣлъ выслать ихъ изъ государства, не дѣлая впрочемъ никакого имъ притѣсненія. Но случай столь маловажный заронилъ искру злобы въ сердцѣ его къ подданнымъ Матомета. Вскорѣ послѣ того, нѣсколько купцовъ изъ мѣста пребыванія Чингиса пожелали сами съѣздить во владѣніе

Магомета для покупки лучшихъ вещей на мѣстѣ. Испросивъ позволеніе у Чингиса, и получивъ охранительный листъ, они отправились въ землю Харазанскую, приняты были дружелюбно, покупали что имъ было нужно, и, пробираясь далѣе, въѣхали въ городъ Оттаръ; тамъ явились они къ губернатору Качиръ-Хану, недавно на сію степень Магометомъ возведенному изъ людей незначущихъ, пріѣзжавшихъ иногда въ Монгольскіе улусы для покупокъ, подъ простымъ званіемъ Инальчика. Купцы поднесли ему подарки; но къ несчастію одинъ изъ нихъ, коротко знавшій Инальчика, въ надеждѣ на его пріязнь, бросился къ нему съ объятіями, называя любезнымъ Инальчикомъ. Такимъ неосторожнымъ поступкомъ унизивши губернатора передъ окружавшими его чинами, несчастный столь озлобилъ его, что Качиръ-Ханъ, принявъ эту короткость за великую дерзость и униженіе своего сана, тогда же приказалъ взять купцовъ подъ караулъ и отправить къ Хану Магомету съ донесеніемъ о злонамѣренной дерзости, и что самые сіи купцы суть соглядатаи, въ его владѣніе прибывшіе. Магометъ принялъ ложное донесеніе за истину, не вошелъ въ разсмотрѣніе обстоятельствъ и по безрасудности своей приказалъ всѣхъ умертвить. Повелѣніе было исполнено; бывшіе при

купцахъ товары на великую сумму взяты въ его казну. Но нѣкоторые изъ бывшихъ при взятіи подъ стражу въ Оттарѣ служителей купеческихъ убѣжали и донесли о случившемся; родственники же несчастныхъ нашли средство открыть и окончательную ихъ участь. Они прибѣгли съ просьбою къ Чингисъ-Хану, объяснивъ подробности сего несчастнаго произшествія. Чингисъ-Ханъ сильно негодовалъ на злодѣйскій поступокъ Магомета, и тѣмъ болѣе, что данная отъ него охранительная грамата была презрѣна, слѣдовательно лицу его оказано было оскорбленіе. Онъ приказалъ сбирать войско и выступя, послалъ извѣстить Магомета, упрекая его какъ въ учиненномъ имъ поступкѣ, такъ и въ нарушеніи между державами условленнаго мира, и что онъ идетъ на него открытою войною, не принимая никакихъ мирныхъ предложеній.

Съ главною арміей Чингисъ противъ Магомета шелъ самъ, а старшаго своего сына, Чучи, отрядилъ съ корпусомъ войскъ къ Туркестану, для истребленія союзниковъ Кутшлуковыхъ, которыхъ Магометъ, принявъ въ свое покровительство, допустилъ селиться въ окрестностяхъ.

Магометъ, получивъ увѣдомленіе Чингисъ-Хана, поспѣшилъ собрать войско и пошелъ на встрѣчу; но узнавъ объ отрядѣ войскъ подъ

начальствомъ Чучи, разсудилъ напасть на него всѣми силами, и разбивъ его, ослабить чрезъ то силу Чингиса; а дабы Чучи не могъ отступить, онъ раздѣлилъ войско свое между двухъ рѣкъ, Кабли и Камчи. Приближаясь къ симъ мѣстамъ, Магометъ увидѣлъ множество побитыхъ людей изъ своего войска; съ трудомъ нашли одного едва живаго, который разсказалъ, что ихъ отрядъ шелъ для соединенія съ нимъ, но встрѣтился съ Чучи, который побилъ ихъ наголову, а малую часть бросившихъ оружіе взялъ въ плѣнъ, и отступилъ въ ту сторону, откуда шло его войско.

Магометъ поспѣшилъ въ слѣдъ за нимъ и на другой день началъ его открывать. Чучи, узнавъ приближеніе непріятеля, созвалъ совѣтъ. Всѣ бывшіе на ономъ, зная превосходное число войскъ Магомета, полагали отступать въ порядкѣ и болѣе потому, что Чингисъ Ханъ именно запретилъ начинать бой съ неравными силами; далѣе поставляли на видъ, что при отступленіи ихъ, войска непріятеля не могутъ дѣйствовать всею своею силою, а только частію; что отражать будетъ легче; что если непріятель не станетъ ихъ преслѣдовать, то можно будетъ спокойно продолжать путь къ назначенному мѣсту; что по расчету ихъ, Магометъ противъ воли своей долженъ ихъ оставить, ибо

ему необходимо нужно противустать главной силѣ, на него идущей; въ противномъ случаѣ безъ боя можно потерять государство.

Мнѣніе это, всѣми утвержденное, Чучи призналъ благоразумнымъ, однако же ему не послѣдовалъ, отозвавшись, что, безъ поношенія своей чести, онъ не можетъ избѣгать сраженія въ виду самаго непріятеля. Отдавая всю справедливость совѣту, представившему всѣ обстоятельства въ настоящемъ видѣ, слѣдовательно исполнившему свою обязанность, онъ съ своей стороны, принимая всю отвѣтсвенность на себя, хотѣлъ исполнить свою волю и требовалъ только повиновенія. Не теряя времени и устроивъ свое войско, онъ повелъ его въ дѣло, въ которомъ оказалъ великую храбрость и осмотрительность. Три раза врывался онъ въ непріятельскіе ряды, искалъ самого Магомета, встрѣтясь съ нимъ напалъ на него съ желаніемъ сразиться, но Магометъ, самъ знатокъ воинскаго дѣла, искусно умѣлъ отклонять смертельные удары, прикрываясь своимъ щитомъ. Смятеніе, въ этомъ мѣстѣ случившееся, противъ желанія развело ихъ. Монголы, видя отличное мужество своего князя, употребили все усиліе, соревнуя другъ передъ другомъ, и принудили армію, превосходившую ихъ числомъ, почти къ отступленію. Едва Магометъ, предусмотрѣвшій

эту опасность, строгостію своею могъ удержать ее на мѣстѣ до наступленія ночи, прекратившей сраженіе. Одно это спасло его отъ стыда видѣть бѣгство арміи своей передъ малочисленнымъ непріятелемъ.

Чучи, выдержавъ съ честію опасную битву и показавъ чрезмѣрную храбрость и искусство передъ всѣмъ своимъ войскомъ, пріобрѣлъ себѣ великое почтеніе и довѣренность; но между тѣмъ благоразуміе его внушило ему иныя мѣры. Онъ приказалъ ночью развести на большомъ пространствѣ огни во многихъ мѣстахъ, а самъ съ войскомъ, потерявшимъ немалое количество людей въ минувшемъ сраженіи, удалился въ тишинѣ на значительное разстояніе.

Съ наступленіемъ утра, Магометъ занялся устройстомъ своего войска для продолженія прерваннаго сраженія, и ожидалъ непріятеля; но скоро узнавъ о его отступленіи и предусмотрительности, принужденъ былъ, оставя поискѣ противъ Чучи, возратиться въ свою сторону. Замѣтя однако, съ какою отважностію сражаются Монголы, разсудилъ, что его войска не выдержатъ напора главной арміи Чингиса, самимъ имъ предводительствуемой, счелъ полезнѣйшимъ держаться въ крѣпостяхъ и, размѣстя въ нихъ войско, самъ возвратился въ свою

столицу Самаркандъ, гдѣ, укрѣпясь, ожидалъ послѣдствій.

X.
ПОХОДЪ ЧИНГИСА ВЪ ВЕЛИКУЮ БУХАРІЮ.

Съ сильною арміею Чингисъ Ханъ шелъ въ Бухарію; на пути соединились съ нимъ подвластныя ему разныхъ владѣній войска; приближась къ городу Оттару, онъ узналъ, что Магометъ не разсудилъ вступать въ открытое сраженіе и засѣлъ въ укрѣпленныя мѣста; это не нравилось Чингису, который легче побѣждалъ въ полѣ, чѣмъ бралъ приступомъ города. Но соображаясь съ обстоятельствами, онъ раздѣлилъ свою армію. Между тѣмъ какъ Чучи продолжалъ съ своимъ отрядомъ истреблять непріятелей, онъ отрядилъ съ войскомъ двухъ другихъ сыновей своихъ, Угадая и Чагодая, осадить Оттаръ, генераловъ Аланъ-Наяна и Сукту-Буха подъ городъ Фарнакантъ и Хожданъ, а самъ съ главною арміею и съ четвертымъ сыномъ Таулаемъ обратился къ Великой Бухаріи. Вскорѣ соединился съ нимъ и Чучи, раззорившій многія мѣста и взявшій множество плѣнныхъ, коихъ и представилъ родителю, объяснивъ неожиданную свою встрѣчу со всею арміею Магомета, и что своимъ уклоненіемъ

отъ оной, сохранилъ свою честь и славу. Чингисъ благодарилъ сына и щедро наградилъ его, какъ равно и бывшихъ подъ его начальствомъ, и поручилъ ему идти къ городу Наждану и стараться покорить его.

Продолжая походъ, Чингисъ подступилъ ночью къ первому городу Сорнуку, съ страшнымъ воплемъ войска. Встревоженные жители завалили ворота и приготовились къ защитѣ; но по утру Чингисъ Ханъ послалъ къ нимъ вельможу, искуснаго въ краснорѣчіи, именемъ Гаджита, уговорить жителей къ добровольной сдачѣ, объявивъ имъ за то милость и пощаду, и что противиться столь сильному государю будетъ совершенное безуміе, влекущее неминуемую для всѣхъ гибель. Сіе увѣщаніе приклонило жителей къ покорности: они вышли побѣдителю на встрѣчу. Довольный Чингисъ, оказавъ имъ ласки и благоволеніе за то, что они благоразумно покорностію сохранили жизнь многихъ, запретилъ въ первый разъ своему войску грабежъ и насиліе, и принялъ покорившійся городъ въ подданство, давъ ему новое названіе Кутшлукъ-Баликъ. Потомъ, избравъ молодыхъ, способныхъ къ воинскимъ трудамъ людей, всѣхъ прочихъ оставилъ въ покоѣ, обнадеживъ всегдашнимъ своимъ покровительствомъ.

На пути онъ сдѣлалъ такимъ же образомъ приступъ къ ближнему городу Нуру, и склонивъ его къ покорности, взялъ у жителей для арміи хлѣбъ и скотъ, оставя однако же имъ потребное количество для пропитанія. Покинувъ сей городъ въ спокойствіи и причисливъ къ своему владѣнію, онъ продолжалъ походъ къ столичному городу Харосанскому, Бухарѣ. Тамъ Магометъ оставилъ великій гарнизонъ, подъ начальствомъ испытанныхъ въ воинскомъ дѣлѣ трехъ генераловъ; Куки, Сіунча и Кутшлука, въ достоинствѣ Хановъ. По приближеніи Чингисъ Хана, сдѣлали они вылазку, но едва совсѣмъ не погибли, и обратились назадъ въ городъ, потому, что несмѣтное число войска Чингисова со всѣхъ сторонъ начало ихъ окружать; удаленіе ихъ отъ крѣпости привело всѣхъ въ робость; думали, что противъ такого множества непріятелей держаться невозможно; а открытое сраженіе будетъ вѣрною гибелью; и потому по наступленіи ночи, вывели все войско въ противуположныя ворота; нѣкоторые жители за ними послѣдовали, но отъ прозорливости Чингиса рѣдко кто спасался. Онъ, по скорому возвращенію, увидѣлъ робость непріятелей, и потому приказалъ разъѣзжавшимъ съ фланговъ около города наѣздникамъ замѣчать движенія непрія-

тельскія, и по первому выходу изъ города былъ о томъ увѣдомленъ. Тотчасъ послалъ онъ въ погоню конницу, которая безъ сопротивленія убивала оробѣвшихъ непріятелей, и наконецъ, стѣснивъ великое количество при рѣкѣ Амѣ, почти всѣхъ изрубила. Оставшіеся жители столицы и часть войска, неуспѣвшаго выйдти, рѣшились отдать свой жребій на произволъ побѣдителя. Предупредивши его требованіе, лишь только начало свѣтать, знатнѣйшіе вышли изъ города съ ключами, но бывъ передовыми караулами остановлены, ожидали часовъ шесть, доколѣ Чингисъ всталъ отъ сна и изготовился ихъ выслушать. Въ полдень прискакалъ отъ него офицеръ и повелъ къ шатру Чингисову, окруженному множествомъ военныхъ людей. Введенные предъ лицо его, они должны были сдѣлать ему, сидѣвшему на великолѣпномъ диванѣ, десятикратное поклоненіе. Затѣмъ онъ велѣлъ спросить ихъ о цѣли ихъ пришествія. Поднеся къ занятому имъ мѣсту городскіе ключи, посланные объявили свою и всѣхъ жителей покорность передъ Чингисомъ, прося оказать имъ милосердіе, и присовокупляя, что они вовсе не имѣли ни средствъ, ни намѣренія сопротивляться, но что сама судьба опредѣлила имъ находиться доселѣ подъ властію государя, противъ него возставшаго. Чин-

гисъ, довольный такою покорностію, приказалъ имъ возвратиться и обнадежить мирныхъ жителей безопасностію, а у военныхъ отобрать все оружіе, съ тѣмъ, что если въ слѣдующій день, назначенный имъ для выѣзда своего, у кого либо найдется оружіе, таковой немедленно лишенъ будетъ жизни. Вмѣстѣ съ ними онъ отрядилъ въ городъ своего начальника, съ частію войска и чиновниками, для приготовленія къ принятію его со всею свитою.

Жители города, наслышавшись о жестокости Чингиса, ожидали посланныхъ въ смертельномъ страхѣ. При отправленіи ихъ было условіе, чтобы они, возвращаясь съ милостію побѣдителя, держали платки бѣлые; а если будутъ отпущены съ гнѣвомъ, взяли бы въ руки платки красные. При семъ послѣднемъ знакѣ нѣкоторые положили прекратить свою жизнь, а другіе заблаговременно искать спасенія въ бѣгствѣ. Равно и на городской башнѣ изготовлены были два подобные флага, для возвѣщенія въ одну минуту, близкимъ и отдаленнымъ, о предстоящей участи. Поднятіе бѣлаго флага нѣсколько успокоило всѣхъ, и возродило въ сердцахъ надежду, хотя впрочемъ всѣ опасались Монголовъ—идолопоклонниковъ, весьма мало понимавшихъ обязанности закона и человѣчества.

Между тѣмъ посланные подтвердили о снисхожденіи къ нимъ побѣдителя; вступившія войска ни до чего не касались; жители съ ласкою окружали ихъ, угождая и угощая по возможности. Для Чингиса приготовили дворецъ, а для чиновниковъ пристойное помѣщеніе.

Въ полдень, усмотрѣно съ городовой стѣны передовое войско; Чингисъ-Ханъ на прекрасномъ конѣ, великолѣпно и прекрасно убранномъ, ѣхалъ въ скромномъ одноцвѣтномъ зеленомъ платьѣ, съ блестящимъ оружіемъ, между тѣмъ какъ на его спутникахъ были золотыя одежды, богатыя украшенія; словомъ, торжественный въѣздъ въ Бухару совершенно соотвѣтствовалъ столь великому государю и побѣдителю. Но здѣсь Чингисъ обнаружилъ свою надменность и презрѣніе къ побѣжденнымъ. Въѣхавъ прямо въ мечеть, онъ спросилъ, не султанскіе ли это покои? Ему отвѣчали, что это есть домъ Божій, гдѣ приносится жертва моленій. Тогда сошелъ онъ съ коня, отдалъ его знатнѣйшему изъ жителей, и увидѣвъ книгу, спросилъ: что она въ себѣ заключаетъ? Ему объявили, что въ ней содержится весь законъ Магомета; онъ бросилъ ее съ небреженіемъ на то же мѣсто, и тутъ же расположился обѣдать, хотя угощеніе было приготовлено жителями во дворцѣ. Мо-

жетъ статься, что Чингисъ изъ опасенія довольствовался своимъ походнымъ столомъ. Выйдя потомъ изъ мечети на народную площадь, сѣлъ онъ на возвышеніи, окруженный свитою; приказалъ представить передъ себя старѣйшихъ жителей по степенямъ ихъ званій, и объявилъ, что ихъ государь Султанъ Магометъ нарушилъ миръ и клятву безчеловѣчнымъ и безчестнымъ своимъ поступкомъ съ его купцами, въѣхавшими въ первый разъ для торговли въ его владѣніе съ охранною отъ Чингиса граматою; что эти люди обнадежены были существовавшими между государствами дружбою и миромъ, тогда какъ купцы Бухарскіе неоднократно къ Монголамъ пріѣзжали, и никогда обижаемы и утѣсняемы не были; что даже и въ послѣдній разъ подвластные Магомему Мауренцы, нанесшіе ему неудовольствіе, остались неприкосновенными и выпровождены за границу съ имуществомъ; что презрѣніе къ своей охранной граматѣ онъ принимаетъ за личное себѣ оскорбленіе, которое не можетъ остаться безъ наказанія, и которое теперь и производится покореніемъ ихъ областей; но что, снисходя къ ихъ покорности, онъ даруетъ имъ жизнь, съ условіемъ все лучшее свое имущество представить ему, и подъ опасеніемъ, въ случаѣ малѣйшей утайки, подвергнуться жестокому истязанію. Слушавшіе сей

приговоръ, едва имѣли силы удержаться на ногахъ; но ободрившись нѣсколько, пошли объявить прочимъ, чтобы для спасенія жизни, ничего у себя не утаивать.

Чингисъ отправился во дворецъ. Чрезъ нѣсколько времени донесли ему, что жители сносятъ все свое имущество безпрекословно, желая только заслужить его милосердіе. Довольный тѣмъ; завоеватель приказалъ выбрать однѣ драгоцѣнности и рѣдкія вещи, а прочее отдать обратно владѣтелямъ, по принадлежности. Уже онъ готовился, оставя въ покоѣ жителей, идти далѣе, какъ, къ несчастію, донесли ему, что нѣсколько Султанскихъ воиновъ, возвратясь въ городъ, укрываются у своихъ друзей и родственниковъ. Разгнѣванный этою вѣстію, Чингисъ велѣлъ зажечь городъ, состоявшій большею частію изъ деревянныхъ строеній. Вскорѣ всѣ жилища сдѣлались добычею пламени; остались только тѣ, кои еще нужны были для войска, и нѣсколькихъ каменныхъ домовъ, въ томъ числѣ дворецъ съ принадлежностями. Жители при началѣ пожара удалились со всевозможною поспѣшностію въ лѣсъ; открытые воины Магомета безъ всякаго оправданія были изрублены предъ окнами своего жилища. Такимъ образомъ городъ, прежде весьма знаменитый, представилъ однѣ развалины; толь-

ко незадолго до своей смерти Чингисъ возобновилъ его. Затѣмъ выступилъ онъ для дальнѣйшихъ завоеванiй и преслѣдованiя Магомета.

Выше было упомянуто, что передъ выступленiемъ, Чингисъ подъ начальствомъ двухъ своихъ сыновей отрядилъ войска къ городу Оттару. Тамъ находилось уже до 50,000 непрiятельской армiи; но Магометъ, узнавъ о распредѣленiи Чингиса, послалъ къ Оттару (въ коемъ губернаторомъ былъ тогда виновный Качиръ Паша, навлекшiй бѣдствiе государству клеветою на купцовъ и тѣмъ ихъ погубившiй) еще десять тысячъ подъ начальствомъ своего генерала Карача Гаджитъ. Съ этою помощiю городъ держался крѣпко противъ войскъ Чингисовыхъ, и Карача отражалъ частые приступы, что продолжалось около пяти мѣсяцовъ; но наконецъ, стѣсненный до того, что подвозимые запасы всегда попадались въ руки непрiятеля, и отъ недостаточнаго содержанiя происходилъ въ войскѣ ропотъ и неудовольствiе, — Карача предложилъ сдаться и поручить городъ снисхожденiю побѣдителя, пока еще могутъ быть приняты условiя; ибо »при дальнѣйшей медленности, всѣ предложенiя могутъ быть отвергнуты, и тогда осажденныхъ постигнетъ жестокая участь.„ Притомъ съ од-

ной стороны отъ Султана Магомета нельзя было надѣяться пособія, когда онъ самъ для своего спасенія укрывался отъ Чингиса, отдавъ лучшіе города и подданныхъ на жертву и произволъ судьбы, явно поборствовавшей Чингису; съ другой, сдача города не могла имъ навлечь позора послѣ столь долгаго сопротивленія, безъ всякой отъ государя ихъ помощи. Наконецъ они пришли въ такое изнеможеніе, что держаться далѣе не имѣли возможности, и благоразуміе требовало покориться волѣ судьбы. Сколь ни предусмотрителенъ былъ совѣтъ умнаго Карачи, но Качиръ Паша имѣлъ свои расчеты. Онъ чувствовалъ, что за поступокъ свой не можетъ отъ Чингисъ-Хана ожидать милости, и находя участь свою несчастнѣйшею и опаснѣйшею, отвергнулъ предложеніе Карачи, и въ отчаяніи рѣшился защищаться до самой крайности. Тогда Карача Гаджитъ приказалъ ночью отворить ворота, и съ своимъ отрядомъ, вышедъ изъ крѣпости къ стану дѣтей Чингисовыхъ, сдался. Они приняли его въ плѣнъ, отобрали оружіе и раздѣлили воиновъ въ своей арміи. Карача отданъ былъ подъ стражу до окончательнаго о немъ приговора.

Собранъ былъ совѣтъ, какъ поступить съ нимъ. Разсуждали, что Карача, военачальникъ испытанный храбрости, оказалъ имъ важную

услугу покорностію съ столь значительною силою, но съ другой стороны, поставляли на видъ его предательство и ожиданіе себѣ милости Чингисъ-Хана. Человѣкъ, измѣнившій своему природному государю, не можетъ быть надеженъ тому, кому передается, и вторично измѣнитъ съ большею легкостію, чѣмъ въ первый разъ. Къ этому мнѣнію пристали и сами князья. Потому и рѣшено было лишить его жизни, какъ человѣка опаснаго, что и было исполнено. Еще до окончанія совѣта, по увѣдомленію Карачи, что ворота, чрезъ кои онъ вышелъ, остались безъ стражи и обороны, послано было войско занять ихъ. Порученіе сіе въ точности посланнымъ для сего начальникомъ было выполнено. Оба Князя съ войскомъ своимъ двинулись въ слѣдъ за посланнымъ отрядомъ, и безъ затрудненія вошли въ городъ. Узнавъ о семъ, Качиръ Паша съ нѣкоторымъ отрядомъ заперся въ замкѣ; но оставленное въ городѣ войско почти безъ начальства, не сопротивлялось вошедшимъ непріятелямъ, положило оружіе, сдалось въ плѣнъ, и князьями отправлено было въ станъ, съ тайнымъ приказаніемъ всѣхъ умертвить. Между тѣмъ они начали стѣснять Качира, который не могъ долго держаться въ слабомъ замкѣ: чрезъ нѣсколько часовъ въ него ворвались осаждаю-

щіе; Качиръ ушелъ въ отдаленный покой съ двумя друзьями, и долго защищался съ отчаяніемъ, ибо приказано было взять его въ плѣнъ живаго. Бывшіе при немъ тотчасъ пронзены стрѣлами, а наконецъ и Качиръ, схваченный и закованный, отданъ подъ стражу. О сихъ произшествіяхъ съ нарочными вѣстниками отъ принцевъ донесено Чингисъ-Хану, бывшему на походѣ. Ожидали его повелѣнія, какъ поступать съ жителями города и съ остальною малою частію непріятельскаго войска уже обезоруженнаго, а равно и съ самимъ Качиромъ? Чингисъ не медля далъ рѣшеніе: отъ жителей отобрать всѣ сокровища, а рѣдкости взять въ свою собственность; три части всѣхъ запасовъ, скотъ и лошадей обратить въ пользу арміи осаждавшей; прочее имущество, кромѣ необходимаго, предоставить вошедшему въ городъ войску, но удержаться отъ дальнѣйшаго грабежа, потому что мирныхъ жителей и городъ онъ причисляетъ къ своимъ владѣніямъ; такъ какъ главная часть арміи была уже истреблена, то оставшихся раздѣлить между войсками его по частямъ для употребленія на службу; что же касается до виновнаго Качира, то лишить его немедленно жизни по ихъ усмотрѣнію. Князья, получивъ сіе подробное наставленіе, все исполнили. Качира надлежало пре-

дать за его поступки жестокому истязанію, но дѣти Чингиса были на сей случай милостивы и дали повелѣніе, не муча его, отрубить ему голову. Казнь была исполнена: городъ и жители причислены къ владѣнію Чингиса.

Въ продолженіе дѣйствій князей, Чингисъ-Ханъ на походѣ овладѣлъ всею Бухарскою провинціею, которой жители покорились ему безъ сопротивленія; ужасъ предшествовалъ его имени! Отряженный имъ старшій сынъ его Чучи, прибывъ къ городу Синияку и желая избѣгнуть кровопролитія, послалъ склонять жителей къ покорности и сдачѣ города, съ обѣщаніемъ, за послушаніе, милости и пощады. Безразсудные жители, схвативъ посланныхъ, съ яростію ихъ убили. Такою жестокостію Чучи былъ разгнѣванъ; ибо въ посланномъ онъ лишился Асака Гаджу, умнаго, краснорѣчиваго вельможу, всегда употребляемаго имъ для переговоровъ, и который много народа и мѣстъ привелъ къ покорности безъ всякихъ бѣдствій и ужасовъ войны однимъ только своимъ убѣжденіемъ. Онъ приказалъ сдѣлать сильный приступъ, и какъ городъ былъ слабо укрѣпленъ и мало имѣлъ войска, то вскорѣ взятый отданъ былъ на волю побѣдителей, и въ отмщеніе умерщвленнаго Асана Гаджи произошло великое убійство, насиліе и грабежъ, истре-

бившіе почти весь городъ. Чучи, удовлетворивъ своему мщенію, сдѣлалъ сына убитаго градоначальникомъ, оставилъ ему часть войска для содержанія жителей въ повиновеніи, а самъ пошелъ къ городу Усчану. Жители, не имѣя силъ противиться и зная слѣдствіе непокорности сосѣдственнаго города Синяка, разсудили безпрекословно сдаться на волю побѣдителя, за что Чучи избавилъ ихъ отъ притѣсненій и своевольства войскъ своихъ, строго запретивъ наносить имъ оскорбленія; истребовалъ отъ нихъ нѣкоторые запасы для войска, и отправился въ скоромъ времени къ городу Асташу. По какому-то несчастному внушенію, Асташъ, не послѣдуя примѣру Усчана, осмѣлился противиться требованію Чучи, не имѣя ни нужныхъ укрѣпленій, ниже достаточнаго войска. Вскорѣ онъ былъ взятъ Монголами, раззоренъ до основанія, часть воиновъ побита, другая распредѣлена въ арміи побѣдителя; изъ женщинъ красивѣйшія остались ему же въ добычу; прочихъ, а равно стариковъ и малолѣтныхъ, изъ презрѣнія, пощадили. По пути приблизился Чучи къ городу Наджау, губернаторъ коего, зная средства свои къ оборонѣ, заблаговременно съ войсками, подъ начальствомъ его бывшими, удалился во внутренность земли Хорасанской, дабы сблизиться съ Султа-

номъ, или его сыномъ, жителямъ же совѣтовалъ отдаться побѣдителю. Но не послушались они спасительнаго совѣта, оскорбили присланнаго къ нимъ отъ Чучи вельможу, для склоненія ихъ къ покорности, и едва не лишили его жизни. За такое упорство, городъ по взятіи подвергнулся крайнему бѣдствію. Отысканные оскорбители и виновники возмущенія жителей всѣ подверглись казни; городъ отданъ на разграбленіе войску; жители во множествѣ сдѣлались жертвою меча; оставшіеся въ живыхъ выгнаны изъ города, который заняло отдѣленіе войска, въ немъ оставленнаго. Этимъ мѣстомъ ограничивалось порученіе, сдѣланное Чингисъ-Ханомъ сыну своему Чучи, который, прошедъ до него и все покоривъ власти родителя, возвратился къ нему съ побѣдоносною своею арміею. Чингисъ осыпалъ ласками сына побѣдителя и наградилъ его новымъ удѣломъ, куда Чучи и отправился до времени на отдыхъ.

Въ то же время, но по другому направленію посланные два его полководца Алтанъ Ноянъ и Сукту Бука (о коихъ выше было упомянуто), подступили къ городу Форнакату, и на третій день привели жителей къ покорности и сдачи города, за что и была имъ оказана пощада. Но въ городѣ Хажданѣ они встрѣти-

ли сопротивленіе. Губернаторъ Тимуръ Маликъ, родственникъ Султана Магомета, человѣкъ отмѣнной храбрости, употребилъ всѣ способы къ отраженію непріятеля. Всѣ приступы оканчивались потерею войска и были безуспѣшны; но когда Тимуръ увидѣлъ, что непріятель окружалъ городъ, тогда рѣшился, доколѣ позволяло время, перебраться съ тысячею воиновъ на островъ, находившійся близъ города на рѣкѣ, гдѣ былъ замокъ, болѣе увеселительный, нежели военный. Тимуръ, переѣхавъ въ него ночью на малыхъ судахъ, поспѣшилъ по возможности привести его въ оборонительное положеніе, и изъ судовъ устроилъ укрѣпленныя мѣста, изъ коихъ на непріятеля во всѣ стороны можно было метать стрѣлы сквозь сдѣланныя отверзтія. Монголы, не имѣя судовъ и не будучи способны къ управленію ими, хотя съ обѣихъ сторонъ разъѣзжали по берегамъ, но никакъ не могли попасть на островъ, удерживаемые рѣкою довольно глубокою и быстрою. Осажденные кучами убивали Монголовъ, приближавшихся къ берегамъ, безъ всякаго себѣ вреда. Упорство небольшой горсти непокорныхъ, когда весь городъ сдался, заставило искать средствъ для переправы на островъ, задерживавшій ихъ съ войкомъ отъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Придумали

сдѣлать плотину отъ берега къ острову, и тотчасъ приступили къ работѣ. Собрали нѣсколько сотъ изъ покоренныхъ жителей, и заставили носить камни и кидать въ назначенное мѣсто рѣки. Хотя работа шла съ успѣхомъ, но носильщики каменьевъ, едва успѣвъ бросить ихъ, были убиваемы и немногіе изъ нихъ спаслись отъ засадныхъ воиновъ Тимура, который не жалѣлъ людей, хоть это были его же соотечественники. Съ другой стороны и Монголы жертвовали ими хладнокровно. Это продолжалось около недѣли. Наконецъ Тимуръ увидѣлъ, что плотина возвышается, и что непріятель можетъ вскорѣ къ нему пробраться, а потому находя свое убѣжище безнадежнымъ для спасенія, на противномъ же берегу рѣки, Монголовъ, ночью, сѣвъ на суда, кои служили для засады, и размѣстясь какъ было можно, пустился плыть среди рѣки по теченію. Непріятели вскорѣ усмотрѣли новую хитрость Тимура, и разочтя, что онъ не можетъ долго плыть, а принужденъ будетъ гдѣ нибудь выдти на берегъ, приказали конницѣ слѣдовать за судами по обѣимъ сторонамъ рѣки, стараясь не выпускать ихъ изъ виду. Къ несчастію Тимура, на другой же день онъ приплылъ къ рѣкѣ, гдѣ, по мелководію, суда начали останавливаться; и потому Тимуръ

принужденъ былъ выдти на берегъ. Слѣдовавшіе за нимъ Монголы не замедлили его окружить; началось жаркое сраженіе; Тимуровы воины были истребляемы, и онъ, видя свою гибель, пустился одинъ спасаться. За нимъ бросились трое изъ непріятельскихъ воиновъ, и когда уже близко стали нагонять его, то онъ какъ весьма искусный стрѣлокъ, сразилъ одного изъ гнавшихся за нимъ. Увидя товарища своего упавшаго съ коня и желая подать ему помощь, прочіе спѣшились, а Тимуръ, пользуясь симъ обстоятельствомъ и имѣя при себѣ хорошаго коня, скрылся отъ нихъ и съ трудомъ добрался до мѣста пребыванія Султана Магомета. Явившись къ нему, онъ увѣдомилъ о всѣхъ движеніяхъ Чингисова войска, что самъ онъ идетъ съ великою силою къ Самарканду, что уже многіе города покорилъ, что великая опасность предстоитъ главному городу отъ несмѣтнаго войска непріятеля; что хотя при осадахъ и сраженіяхъ онъ претерпѣвалъ немалыя потери, но покоряя города области и народы, снова умножаетъ свои силы плѣнными, коихъ и въ опасныхъ случаяхъ употребляетъ, сберегая своихъ природныхъ воиновъ. За такое свѣдѣнія, храбрость и усердіе Тимуръ отъ Султана Магомета удостоенъ былъ похвалы и наградъ. Между тѣмъ, слѣдуя его

предостереженію, Магометъ собралъ вновь войска до ста тысячъ, и присоединивъ нѣсколько слоновъ, пріученныхъ къ сраженіямъ, отправилъ поспѣшно съ надежными военачальниками на помощь къ Самарканду, въ которомъ начали дѣлать всѣ возможныя укрѣпленія.

По распоряженію Чингисъ Хана, къ главной арміи его присоединились всѣ отряды его сыновей и воеводъ. Вскорѣ получилъ онъ извѣстіе о пришедшей на помощь къ Самарканду большой арміи. Но это нимало его не остановило. Съ огромною арміею онъ продолжалъ походъ и расположился въ близкомъ разстояніи отъ города, изъ котораго сдѣлана была вылазка на его передовые отряды. Произошла битва. Сражались жестоко съ обѣихъ сторонъ; но когда городовое войско усмотрѣло, что къ Монголамъ безпрерывно приходятъ подкрѣпленія, и уже стали его окружать, то командующій далъ приказаніе отступить къ городу, куда и возвратился съ немалою потерею.

Чингисъ Ханъ на другой и слѣдующій день ожидалъ со стороны города новыхъ нападеній; но, видя, что непріятель не рѣшаясь на то, заперся въ крѣпости, далъ приказаніе къ приступу, продолжавшемуся весь слѣдующій день до самой ночи. Монголы всюду были отбиты и понесли великую потерю безъ всякой для себя поль-

зы. Городъ, дѣйствительно, могъ весьма долго противиться, но благопріятствующая Чингису судьба вскорѣ подвергла оный власти Чингиса, вовсе неожиданнымъ случаемъ.

Два знатные городскіе чиновника, поссорясь съ начальствующимъ и опасаясь слѣдствій его вліянія и власти, рѣшились укрыться у непріятеля и подлою измѣною пріобрѣсть себѣ благосклонность Чингисъ Хана. Съ сею цѣлію, присоединивъ къ себѣ нѣсколько преданныхъ людей, ночью вышли изъ города и отдались передовымъ войскамъ. Оба начальника предателей тотчасъ представлены были Чингису, который, принявъ ихъ благосклонно, обнадежилъ покровительствомъ и наградами, потребовалъ свѣдѣнія о состояніи города и объ удобнѣйшихъ средствахъ покорить его. Они донесли, что если Чингисъ вскорѣ желаетъ войдти въ городъ, то должно немедленно до разсвѣта двинуть войска съ той стороны, съ которой они тайно вышли, потому что ворота остались безъ охраненія. Чингисъ въ минуту рѣшился и далъ повелѣніе спѣшить къ городу по указанію нѣкоторыхъ изъ предателей. Избранный отрядъ вошелъ въ самый городъ, который скоро наполнился воинами. Всѣ увидѣли опасность, но нельзя уже было отвратить ее: гарнизонъ и жители оробѣли отъ такой нечаянности, и хотя

упорно сражались среди улицъ и въ домахъ, но перевѣсъ былъ на сторонѣ Чингисовыхъ войскъ, къ коимъ приходили на помощь новыя. Битва продолжалась до самой ночи. Когда Монголы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зажгли городъ и уже мало осталось войска, то жители перестали противиться, надѣясь на пощаду непріятелей. Но какъ въ войскахъ Чингисовыхъ главная награда побѣдителей, при взятіи приступомъ городовъ, состояла въ грабежѣ, то солдаты не ограничились покорностію жителей, убивали стариковъ и младенцевъ, позволяя себѣ всѣ неистовства, продолжавшіяся всю ночь. Наступившій день открылъ видъ ужасный. Оставшихся жителей гнали изъ города, гдѣ они, лишенные способовъ къ пропитанію и пріюту, умирали отъ голоду и изнуренія, или, встрѣчаясь съ толпами лютыхъ Монголовъ, были умерщвляемы. Счастливѣе были тѣ, которые скорѣе лишились жизни; никому не оставалось надежды на спасеніе, потому что всѣ окрестности наполнены были непріятелями, вовсе не имѣвшими чувства человѣчества.

Наконецъ, по очищеніи главныхъ улицъ отъ труповъ и крови, съ торжествомъ въѣхалъ самъ Чингисъ въ сей несчастный городъ. Ему представлена была государственная казна, захваченныя сокровища и рѣдкости, кои удержи-

вать у себя никто не осмѣливался: все прочее оставалось добычею грабителей. Чингисъ получилъ несмѣтныя сокровища въ деньгахъ и вещахъ по взятіи этого, весьма многолюднаго и богатѣйшаго города. Собранное оружіе составило для войскъ его значительный новый запасъ, и сила его увеличивалась ежедневно безпрерывнымъ покореніемъ малыхъ городовъ и мѣстечекъ, о коихъ здѣсь и не упоминается. Ему предшествовали страхъ и увѣренность, что нѣтъ возможности противиться столь великому побѣдителю. Изъ великаго числа плѣнныхъ онъ множество роздалъ въ неволю чиновникамъ, малую часть спасшихся отъ смерти пощадилъ не изъ человѣколюбія, а изъ презрѣнія. Кончивъ въ нѣсколько дней свои распоряженія, онъ предался увеселеніямъ и торжеству. Такъ совершилось завоеваніе главной части Бухаріи и гибель многихъ тысячъ мирныхъ жителей и воиновъ отъ одного безчестнаго поступка губернатора.

Среди веселостей онъ извѣстилъ сына своего Чучи, въ отдѣльномъ его княжествѣ Даштекипчакъ, что желаетъ съ нимъ видѣться, и для того прибудетъ къ нему. Молодый князь, узнавъ о таковомъ намѣреніи своего родителя, началъ заботиться какъ о принятіи его, такъ и о доставленіи ему возможныхъ удовольствій;

а какъ онъ зналъ великую страсть Чингисъ Хана къ охотѣ, то на пути его и сдѣлалъ величайшія приготовленія, желая открыть оную самымъ неожиданнымъ образомъ. Самъ Чучи, зная время приближенія Чингиса къ его удѣлу, выѣхалъ къ нему на встрѣчу съ великою свитою; въ виду его сошелъ съ коня, чему послѣдовали его блестящіе великолѣпіемъ спутники. Приближась къ родителю, онъ поздравилъ его съ важною побѣдою, ставъ на колѣна и поцѣловавъ его стремя. Отецъ, обнявъ сына, обласкалъ его и приказалъ сѣсть на коня, и ѣхать съ нимъ. На мѣстѣ отдыха дано было великое пиршество, такъ что утомившись, Чингисъ тутъ же расположился до другаго дня. Вставши отъ сна и готовясь къ пріему чиновниковъ своихъ и сына, вдругъ онъ услышалъ необыкновенную музыку и шумъ. Тогда доложили ему, что это знакъ къ началу изготовленной княземъ охоты, на которую ожидаютъ его выѣзда. Чингисъ хотя располагался въ путь, но видя внимательность своего сына, остался, и немедленно выѣхалъ въ назначенное мѣсто. Явившійся Чучи просилъ позволенія начать выгонять звѣрей, и получа на то согласіе, произвелъ охоту, такъ, что Чингисъ и самъ, принявъ нѣкоторое въ ней участіе, былъ весьма доволенъ, замѣтилъ ловкость и неустрашимость

многихъ чиновниковъ въ нападеніи на сильныхъ и лютыхъ звѣрей; благодарилъ сына и еще переночевавъ, отправился въ столицу его, гдѣ возобновилъ угощенія и веселости, кои продолжались нѣсколько дней. Наконецъ Чингисъ возвратился въ Самаркандъ, взявъ съ собою и самого Чучи; съ того времени Чингисъ рѣдко самъ лично предводительствовалъ, поручая выполненіе своихъ предположеній сыновьямъ своимъ.

XI.

ЗАВОЕВАНІЯ СЫНОВЕЙ ЧИНГИСЪ - ХАНА.

Окончивъ завоеванія въ Бухаріи, Чингисъ поручилъ сыновьямъ своимъ Чучи, Угадаю и Чагатаю идти къ столичному городу земли Харасанской, Меру, гдѣ начальствовалъ братъ Султана Магомета, Хамаръ. Онъ ждалъ уже непріятелей и потому изготовилъ довольно войска, рѣшившись дорого отдать свою независимость, если не будетъ возможности удержаться. Къ несчастію, онъ не имѣлъ свѣдѣній, гдѣ шли Монголы, и считалъ ихъ въ отдаленіи, тогда, какъ они были уже очень близко. Среди такой безпечности, Монголы, бывшіе въ передовомъ отдѣленіи, неожиданно приблизились къ городу

и весь пасущійся скотъ отъ города угнали къ своей арміи; увидя это, жители тотчасъ сдѣлали вылазку. Но Монголы, бывшіе къ ней готовыми, успѣли сдѣлать засаду въ близь лежащихъ огородахъ, и когда первые изъ города погнались за гнавшими стадо и въ горячности своей безъ должной осмотрительности миновали засаду, то передовые, преслѣдуемые Монголы обратились дать отпоръ, отъ чего завязалось сраженіе. Въ самомъ жару боя вышедшіе засадные отряды напали на Хорасанское войско съ тылу, и битва кончилась тѣмъ, что изъ нѣсколькихъ тысячъ Хорасанцевъ спаслась малѣйшая часть бѣгствомъ. Вскорѣ подошла главная Монгольская армія и облегла городъ. Отъ принца Чучи послано было къ начальствующему въ городѣ предложеніе, что если городъ сдастся съ покорностію и безъ кровопролитія, то оказано будетъ снисхожденіе и позволится жителямъ выдти съ семействами по произволу безъ всякаго вреда, и съ нужнымъ запасомъ для пути. Но начальникъ города принцъ Хамаръ и другіе, зная жестокость и вѣроломство Монголовъ, рѣшились защищаться до крайности.

Получивъ отказъ, Монголы начали дѣлать частые приступы, но были отражаемы сильно, и теряли множество людей, что продолжалось

около семи мѣсяцовъ. Наконецъ, изыскивая средства къ покоренію, они придумали отвесть теченіе рѣки Цайгунъ, дабы тѣмъ осажденныхъ лишить воды. Приступили къ нужнымъ для того работамъ; но жители, узнавъ намѣреніе непріятелей, въ первое удобное время послали сильный отрядъ, который, напавъ неожиданно, положилъ на мѣстѣ до трехъ тысячь работниковъ, и начатыя работы уничтожилъ.

Чингисъ-Ханъ, узнавъ объ этомъ произшествіи, и ожесточенный тщетными усиліями взять городъ, и потерею времени, чего прежде никогда ему не случалось, вникнувши въ обстоятельства, нашелъ, что это происходило отъ несогласія между принцами, въ равной степени состоявшими, и хотя это была собственно его ошибка, что онъ, отправляя армію, не назначилъ главнаго воеводы, коему бы всѣ безпрекословно подчинялись, но онъ не хотѣлъ въ томъ сознаться, а обвинялъ старшаго сына Чучи. Поставляя сему послѣднему въ вину, что онъ какъ старшій между братьями безсиленъ былъ прекращать всякое несогласіе, приказалъ Чучи отправиться въ свой удѣлъ впредь до востребованія. Начальство же надъ осаждавшею городъ арміею поручилъ второму сыну Угадаю.

Угадай, стараясь заслужить вниманіе родителя, велѣлъ немедленно сдѣлать общій при-

ступъ. Произошла ужасная битва и кровопролитіе съ обѣихъ сторонъ. Угадай не щадилъ своихъ воиновъ, посылая на мѣсто погибавшихъ новыхъ, между тѣмъ какъ городское войско ежеминутно уменьшалось. Наконецъ многолюдство одолѣло, городъ былъ взятъ. Князь Хамаръ и всѣ главные начальники войскъ защищавшихъ городъ пали, сражаясь; остальная малая часть войска взята была въ плѣнъ и обезоружена. Но и мирныхъ жителей не щадили Монголы; по природѣ будучи жестоки, корыстолюбивы и кровожадны, не имѣя о человѣчествѣ понятія, притомъ же утомясь упорностію города, и алкая корысти, которая служила имъ отъ Чингиса первою наградою, они устремились на убійство, грабежъ и своевольство, дѣлали съ беззащитными что хотѣли: городъ остался почти пустымъ и раззореннымъ.

Въ продолженіе осады Чингисъ жилъ въ Самаркандѣ, проводя время въ веселостяхъ и торжествахъ. Все покорялось ему при счастіи и силѣ; онъ имѣлъ четверыхъ сыновей, пріученныхъ имъ самимъ къ военному дѣлу, и опытныхъ въ предводительствѣ войсками. Во время шествія своего къ Самарканду, послѣ отправленія сыновей къ взятому городу Меру, взялъ онъ городъ Нахшанъ безъ сраженія, потомъ приступилъ къ городу Термеду, богатому по

торговлѣ, который за малое оказанное сопротивленіе безъ милосердія былъ опустошенъ и разграбленъ. Все лучшее или рѣдкое представлялось завоевателю, который, избирая что ему нравилось, прочее отдавалъ. Здѣсь пало подозрѣніе на женщинъ, что онѣ глотали жемчугъ и особенныя драгоцѣнности. Монголы, жадные къ корысти, лишали жизни многихъ женщинъ, вскрывали ихъ внутренность и хотя ничего не находили, но оставили свои злодѣйства не прежде, какъ наскуча убійствомъ и утомившись отъ безполезнаго исканія.

Кончивъ дѣло въ городѣ Термедѣ, Чингисъ поступилъ къ Балку, обширному и весьма богатому по фабрикамъ и торговлѣ городу, который не имѣлъ ни достаточнаго къ защитѣ войска, ни укрѣпленій.

Жители при приближеніи его отправили посольство, съ извѣщеніемъ, что городъ покорно ему предается. Чингисъ, предполагая великія у нихъ сокровища, не принялъ покорности, дабы не быть принужденнымъ оказывать снисхожденіе и чрезъ то не лишиться богатой добычи. Отославъ просителей, онъ тотчасъ приказалъ сдѣлать приступъ къ городу, и какъ жители того не ожидали и къ сопротивленію не готовились, то взяты и покорены были немедленно; ни одинъ изъ извѣст-

ныхъ свѣту побѣдителей не поступалъ такъ съ покорнымъ непріятелемъ, но таково было ненасытное корыстолюбіе Чингиса. Онъ сдѣлалъ приступъ для одного вида, чтобъ жителей подвергнуть произволу побѣдителей: и дѣйствительно, городъ былъ разграбленъ, по обыкновенію, а несчастные жители подверглись жестокой смерти и неволѣ. Присвоивъ себѣ все лучшее, а прочее имущество предоставя войску, онъ до основанія разорилъ процвѣтавшій и богатый городъ.

Отселѣ онъ возвратился въ покоренный прежде Самаркандъ и предался отдохновенію; но его тяготило бездѣйствіе, и, скоро соскучась, пошелъ къ городу Талхану. Жители, узнавъ, какъ онъ поступилъ съ покорными жителями города Балка и предвидя скорое его приближеніе, старались съ поспѣшностію укрѣпиться, и рѣшились погибнуть съ оружіемъ. Почему и при личномъ присутствіи Чингиса, городъ долго взятъ быть не могъ; жители защищались отчаянно въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ. Въ это время получено было извѣстіе отъ Принца Угадая о покореніи имъ столицы Харасана. Дабы умножить свои силы, Чингисъ приказалъ ему итти къ себѣ съ войскомъ отъ Харасана, что и было исполнено.

Такимъ образомъ армія Чингисова, весьма усилившаяся, начала стѣснять городъ со всѣхъ сторонъ, и жители не имѣли силы всюду отражать ее. Когда же отъ частыхъ приступовъ непріятелей число осажденныхъ значительно уменьшилось, то съ городомъ ихъ также было поступлено, какъ и съ Балкомъ. Далѣе былъ взятъ безъ сопротивленія городъ Андерасъ, незаключавшій въ себѣ большихъ сокровищъ и бывшій беззащитнымъ, а потому Чингисомъ предоставленный въ добычу войску, и ставшій жертвою его жестокости. Чингисъ обратился къ Баміану, въ которомъ было довольно войска, присланнаго Султаномъ Магометомъ, а потому и не могъ его покорить иначе, какъ приступомъ. Здѣсь убитъ былъ внукъ его, отъ третьяго сына Чагодая. Смерть юноши, безмѣрно имъ любимаго, крайне огорчила Чингиса, который взялъ городъ приступомъ, истребилъ всѣхъ жителей, не различая пола и возраста, уничтожилъ самое его существованіе и самое мѣсто назвалъ Мау-Баликъ, то есть, злое.

Прежде было упомянуто, что Чингисъ Ханъ изъ Самарканда отрядилъ двухъ своихъ воеводъ для преслѣдованія Султана Магомета, который отъ него удалялся къ рѣкѣ Аму, дабы пробраться въ Персію. Одинъ изъ нихъ Аланъ-

Ноянъ, прибылъ къ городу Герату. Начальникомъ его одинъ изъ хановъ Маликъ на требованіе о сдачѣ отвѣтствовалъ посланному, что признаетъ себя слугою Чингисъ-Хана и не думаетъ о сопротивленіи, хотя и довольно къ тому имѣетъ силы. Отзывъ таковой былъ пріятенъ Аланъ-Нояну; но нѣкоторые изъ его чиновниковъ возбудили въ немъ подозрѣніе къ Малику, зная, что онъ весьма храбрый военачальникъ и полагая, что эта безмолвная покорность происходитъ отъ какого либо коварнаго умысла. Послѣ долгаго о томъ разсужденія, положено было покорить городъ приступомъ. Замѣтя движеніе арміи Чингисовой, Маликъ, постигнувъ намѣреніе непріятеля, рѣшился защищаться до самой крайности, и сражался такъ, что прогналъ его съ великимъ урономъ. Въ сраженіи былъ убитъ одинъ изъ генераловъ Чингисовыхъ Такатаръ Уло. Хотя теперь побѣда была на его сторонѣ, но онъ зналъ, что невозможно устоять противъ войска безпрестанно возобновляющагося, а какъ сынъ Султана Магомета Джалудинъ находился тогда недалеко, въ городѣ Гамзіенѣ, то онъ и отправилъ къ нему посланнаго съ тѣмъ, чтобы соединясь съ нимъ, дать сраженіе Монголамъ. Получивъ согласіе Джалудина, Маликъ, не теряя времени, вышелъ съ войскомъ къ назначен-

ному принцомъ мѣсту; но какъ отъ Чингиса еще прежде были разосланы отряды войскъ, чтобъ препятствовать всякому соединенію войска Магометова съ городами; то одинъ изъ начальниковъ наблюдательныхъ отрядовъ, Кукту Ноянъ, открылъ предпріятіе Малика. Будучи къ нему близко, онъ расположился на слѣдующее утро напасть на него. Но предусмотрительный Маликъ, развѣдавъ самъ о близости непріятельскаго военачальника, ушелъ въ ту же ночь къ принцу Джалуддину. Другіе два генерала Табачикъ и Малкавъ подошли весьма тихо къ городу Сагиллу, и едва не взяли его безъ всякаго труда, потому что жители съ сей стороны не ожидали Монголовъ. Но тѣмъ не менѣе при приближеніи ихъ они наскоро укрѣпились и Монголы, осадивши городъ, требовали сдачи. Принцъ Джалуддинъ, получивъ подкрѣпленіе отъ Хана Малика, неожиданно на нихъ напалъ, и разбивъ принудилъ бѣжать къ Кукту-Нояну, упустившему Малика. Монголы въ этомъ дѣлѣ потеряли много людей и весь свой запасъ. Джалуддинъ пошелъ ихъ преслѣдовать и принудилъ къ сраженію, ибо не давалъ имъ ни малѣйшаго отдыха.

Принцъ Джалуддинъ, поручивъ лѣвое крыло Малику-Хану, правое надежному генералу Сефу-Діамалику, самъ принялъ начальство въ

срединѣ, и учредя все нужное, напалъ на Монголовъ. Жестокій бой продолжался отъ утра до самой ночи. Монголы ослабѣли и принуждены были бѣжать, пользуясь темнотою и оставя множество убитыхъ и раненыхъ.

Извѣстіе о сраженіи ужасно оскорбило Чингиса, привыкшаго слышать о всегдашнихъ побѣдахъ и испытавшаго еще первую утрату. Видя въ Джалуддинѣ опаснаго соперника, онъ рѣшился, во что бы ни стало, низложить его, самъ принялъ начальство надъ войскомъ, и пошелъ въ ту сторону, гдѣ принцъ находился.

Съ этой минуты вновь счастіе начало благопріятствовать Монголамъ. При дѣлежѣ взятаго съ разными принадлежностями обоза, между Маликомъ и другимъ начальникомъ произошелъ споръ за одну отличную лошадь. Въ горячности Маликъ ударилъ своею плетью Сефа. Удержась самъ отъ мести оскорбителю, происходившему отъ крови царской, онъ принесъ жалобу Джалуддину, который изъ потворства не сдѣлалъ никакого ему удовлетворенія, кромѣ выговора Малику безъ свидѣтелей. Сефъ, видя къ себѣ презрѣніе и чувствуя обиду, въ злобѣ своей отошелъ съ бывшими при немъ войсками изъ племени Карами въ Кирманскіе горы.

Маликъ, также не почитая себя достойнымъ выговора, и чутствуя еще нѣкоторое неудовольствіе на Джалуддина, относившаго всю славу недавней побѣды надъ Монголами своему предводительству, удалился въ свое владѣніе.

Джалуддинъ, лишенный главной подпоры въ оставившихся военачальникахъ, и, при уменьшеніи совокупныхъ силъ, узнавъ, что самъ Чингисъ-Ханъ, принявъ начальство, идетъ на него, принужденъ былъ спасаться отступленіемъ, обратясь къ рѣкѣ Сиръ-Индѣ. Чингисъ-Ханъ постоянно за нимъ слѣдовалъ, и вступилъ въ городъ Газменъ безъ всякаго препятствія жителей, не смѣвшихъ и думать о оборонѣ. Предоставя распоряженіе въ ономъ своимъ начальникамъ, самъ, не останавливаясь, шелъ по слѣдамъ Джалуддина, дабы предупредить переправу его черезъ рѣку. Наконецъ, къ ночи догнавъ его въ виду оной, расположилъ свое войско такъ, чтобы воспрепятствовать переправѣ.

Принцъ Джалуддинъ, увидя себя на разсвѣтѣ окруженнымъ непріятелями и не находя средствъ избавиться отъ опасности, рѣшился сразиться съ сильнѣйшимъ непріятелемъ.

Чингисъ-Ханъ далъ приказаніе своимъ начальникамъ неусыпно наблюдать Джалуддина и стараться поймать его живаго. Сраженіе

продолжалось весь день, и силы принца истреблялись ежеминутно. Наконецъ онъ рѣшился на отчаянное предпріятіе—пробиться сквозь непріятельское войско съ остальною частію собственнаго, въ чемъ и успѣлъ. Но доскакавъ до крутаго берега рѣки и видя за собою погоню, пришпорилъ своего коня, бросился на ней съ высоты берега въ рѣку, и вплавь на сильномъ и добромъ своемъ конѣ переплылъ ее въ виду многочисленной непріятельской арміи. Таковой отважности и ловкости всѣ удивились до восхищенія, и самъ Чингисъ-Ханъ, видя сіе событіе, воскликнулъ: *Счастливъ отецъ, имѣющій такаго сына!* Затѣмъ сраженіе само собою окончилось. Слѣдовавшая за принцомъ до рѣки часть его войска взята была въ плѣнъ. Изъ ней способныхъ размѣстилъ онъ въ свое войско, прочихъ осудилъ на вѣчную работу и неволю, и въ первый разъ удержался отъ напраснаго убійства. Онъ отрядилъ двухъ военачальниковъ для поиска за Джалуддиномъ; но не смотря на великія старанія, онъ остался до времени тщетнымъ.

Чингисъ-Ханъ, преслѣдуя Султана Магомета, убѣжавшаго къ рѣкѣ Аму, узналъ, что онъ переправился уже черезъ оную, пробираясь въ Персію. Отдѣливъ нѣсколько отрядовъ изъ своей арміи въ разныя направленія для поко-

ренія своей власти, онъ наказалъ начальствующимъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, чтобы съ тѣми городами, кои будутъ покоряться власти его безъ сопротивленія, поступать безъ жестокости, а тѣ, кои будутъ противиться, раззорять до основанія, жителей забирать въ плѣнъ и употреблять въ работы и подобныя занятія, дабы всѣ знали, что нѣтъ спасенія противъ него, кромѣ безмолвной покорности его владычеству; что судьбы высшія опредѣлили ему и его потомству всемірное господство. „Симъ внушеніемъ и поступками,“ говорилъ онъ начальникамъ отрядовъ, „вы успѣшнѣе выполните мои предложенія и менѣе будете терпѣть остановокъ; смотря по успѣхамъ, будете вызываемы мною для принятія почестей и наградъ, соразмѣрныхъ усердію и заслугамъ вашимъ.“—Затѣмъ Чингисъ слѣдовалъ съ главною арміею тихо и съ остановками.

Султанъ Магометъ, узнавъ объ усильныхъ преслѣдованіяхъ со стороны Чингисъ-Хана, недовольнаго отнятіемъ почти всего его царства и жаждущаго смерти, рѣшился, по совѣту своихъ приближенныхъ, изъ Нашебура, гдѣ скрывался, уклониться въ провинцію Иракъ, и супругу свою съ малолѣтнымъ сыномъ Кансудиномъ отправилъ въ городъ Карейдеръ.

При отбытіи изъ Нашебура, поручилъ онъ управленіе города и сосѣднихъ провинцій избраннымъ своимъ чиновникамъ, поставя главнымъ одного изъ родственниковъ своихъ, Муратъ-Бека; самъ же отправился въ городъ Кавчинъ, въ провинціи Иракъ, гдѣ одинъ изъ сыновей его, Султанъ Руклудинъ, съ частію войска тамъ бывшій, встрѣтилъ его съ почестями и проводилъ въ городъ.

Вскорѣ по отбытіи его, изъ отряженныхъ Чингисъ-Ханомъ войскъ, два его генерала Чеканоянъ и Судай подошли къ Нашебуру, и послали требовать сдачи города, но Муратъ отвѣчалъ, что пока существуетъ природный государь его и жителей, Султанъ Магометъ, до тѣхъ поръ городъ никому не сдастся. Военачальники Чингиса, получивъ сей отвѣтъ, послали вновь въ городъ объявить Мурату и жителямъ данный имъ отъ Чингиса наказъ, въ которомъ опредѣлялся приговоръ непокорнымъ его высокой власти. Это нимало не поколибало вѣрности укрѣпившагося города. Монголы сдѣлали приступъ и нѣсколько разъ повторяли его съ потерею множества людей. Но какъ Чингисъ въ своихъ войскахъ не зналъ счету, дополняя ихъ безпрерывно изъ покоряемыхъ мѣстъ, то и не было возможности устоять противу сильнаго непріятеля. Муратъ-Бекъ, видя

свое ослабленіе въ способахъ къ дальнѣйшему сопротивленію, не ожидая ни откуда помощи, потому что Султанъ Магометъ самъ съ трудомъ укрывался, а сынъ его принцъ Джалуддинъ находился въ неизвѣстности, въ одну ночь съ частію ввѣреннаго ему войска онъ вышелъ изъ крѣпости противуположными осаждавшимъ воротами, предоставя всякому искать себѣ спасеніе отъ непріятеля; самъ же, отдѣлясь не болѣе какъ съ десятью приверженными, скрылся.

На слѣдующій день жители и остальное войско, узнавъ рано постыдный побѣгъ своего главнаго начальника, пришли въ великое смущеніе и робость. Увидя вновь начинающійся приступъ, выслали они избранныхъ съ изъявленіемъ Чингисъ-Хану своей покорности и подданства, чѣмъ отвратили великое бѣдствіе. Чингисъ даровалъ всѣмъ пощаду, но городъ принужденъ былъ все лучшее предоставить побѣдителю и его войску. Отдохнувъ нѣсколько, онъ назначилъ въ городѣ своего начальника и отошелъ къ городу Мачадерану, который взялъ приступомъ; за сдѣланное сопротивленіе велѣлъ предать смерти всѣхъ жителей, кромѣ малой части изъ сокрывшихся въ лѣсу и въ подобныхъ мѣстахъ.

Во время осады получилъ онъ печальную вѣсть о смерти своего старшаго сына Чучи, котораго имѣлъ подъ гнѣвомъ, но любилъ со всею горячностію и назначалъ по себѣ наслѣдникомъ, находя въ немъ мужа, способнаго окончить начатое имъ всемірное покореніе. Потеря сія разстроила его здоровье; нѣсколько дней былъ онъ въ задумчивости и принималъ сурово своихъ начальниковъ, кои безъ крайней нужды не смѣли къ нему приближаться; наконецъ мѣсто скорби заступила въ немъ злость и алчность къ кровопролитію, болѣе прежняго. Неожиданно данъ былъ приказъ вести армію къ городу Кавчину, гдѣ укрывался Султанъ Магометъ. Нѣсколько городовъ по пути лежащихъ взяты были безъ сопротивленія, но войско, не смотря на покорность жителей, поступало по праву побѣдителей, производя возможныя неистовства, приводя проходимыя ими мѣста въ безлюдныя пустыни. Между прочимъ передовое войско Чингиса подошло къ городу Илану, узнавъ, что въ немъ находится первая жена Султана Магомета съ самыми малыми дѣтьми, и что городъ весьма укрѣпленъ. Дабы взятіе его не отдалило отъ главной цѣли преслѣдованія Султана, они прошли мимо, но лежавшій не въ дальнемъ оттолѣ разстояніи городъ Рейрудинъ былъ раззоренъ и притомъ много жителей погибло.

Султанъ Магометъ, услышавъ приближеніе арміи Чингисовой, отправился поспѣшно въ городъ Кариндеръ. На пути повстрѣчался онъ съ Монголами, разсыпавшимися въ разныя стороны для грабежей. Къ счастію его, это случилось въ лѣсномъ мѣстѣ, гдѣ онъ, хоть и съ великою нуждою, могъ однако съ малымъ числомъ служителей укрыться, такъ что не замѣтя его проѣзжали въ близкомъ отъ него разстояніи толпы непріятелей. По минованіи сей опасности, Магометъ перемѣнилъ свой путь, отправясь пѣшкомъ въ городъ Инстидуръ. Идя съ поспѣшностію и потерявъ всѣхъ бывшихъ при немъ людей, онъ остался одинъ; къ большему его несчастію, скрылся и тотъ служитель, который имѣлъ на рукахъ своихъ взятыя драгоцѣнности. Такъ сильный и знаменитый государь приведенъ былъ въ совершенную нищету, не зная, какъ сохранить свою жизнь, не зная вѣрнаго пути къ Инстидуру, блуждая на удачу нѣсколько дней, терпя всевозможную во всемъ нужду, боясь остановиться и объявить о себѣ. Наконецъ, вмѣсто города Инстидура, вошелъ онъ въ провинцію Баеку-Качиръ, и едва былъ признанъ своими подданными Государемъ.

Монголы, видя, что слѣды Магомета сокрыты, что онъ спасается какъ человѣкъ частный, разсудили дальнѣйшій и трудный поискъ оста-

вить, тѣмъ болѣе, что и пойманные ими его служители объявили, что не знаютъ, куда онъ дѣвался. Съ такимъ извѣстіемъ они возвратились къ городу Илану. Соединясь съ другимъ отрядомъ, войска произвели сильный приступъ, и, хотя съ великою трудностію, одержали побѣду, плѣнили жену Магомета, сына его еще малолѣтнаго Канеудина, и другихъ меньшихъ. Изъ найденныхъ богатствъ лучшее отобравъ, отправили къ Чингису, слѣдовавшему тихо за арміею, передъ нимъ шедшею. Туда же отправили и жену Магомета съ дѣтьми. Когда ихъ представили Чингису, то, не колеблясъ нимало, далъ онъ губительный знакъ къ умерщвленію ихъ всѣхъ, что предъ шатромъ его и было мгновенно исполнено. Изъ чиновниковъ, взятыхъ въ плѣнъ, большая часть подверглась той же участи; жители, уцѣлѣвшіе отъ приступа, приведены были въ подданство. Извѣстясь о семъ бѣдствіи, Магометъ тотчасъ лишилъ себя жизни, и прежде бывшему первостепенному владѣтелю подданные сдѣлали бѣдное погребеніе.

Узнавъ съ одной стороны о его смерти и истребленіи его семейства, а съ другой не имѣя извѣстія о принцѣ Джалуддинѣ, прочія мѣста и города подвластные Магомету, покорялись безпрекословно власти Чингисъ-Хана.

Продолжая завоеваніе, Монголы вошли въ страну, гдѣ обитали Кипчаги и Аланы, съ коими порознь имѣли многія сраженія, и въ коихъ счастіе и сила Чингиса все побѣждали. Селенія сихъ народовъ и сосѣдственныхъ имъ улусовъ были раззорены; за что полководцы сихъ отрядовъ, позванные къ Чингису, бывшему въ то время на границахъ Бухаріи, получили отъ него великія награды; самъ же онъ среди торжествъ и веселій отдыхалъ отъ многотрудныхъ подвиговъ. Между тѣмъ какъ личное предводительство Чингиса увѣнчавалось такими успѣхами, въ другой сторонѣ отдѣльный отрядъ четвертаго сына его Таулая приводилъ въ покорность возмутившіяся области Харасана, кои довольно долго противились Монголамъ. Услыхавъ о кончинѣ Султана Магомета, они совѣтовались объ изъявленіи покорности Чингису. Но одинъ изъ бывшихъ правителей города Мевру-Мадджаръ, лишенный сего званія еще при жизни Султана, возвратился въ городъ, составилъ партію изъ прежнихъ своихъ приверженцевъ, изгналъ настоящаго правителя и взволновалъ жителей и бывшее тутъ войско. Онъ убѣдилъ ихъ не отчаяваться, быть ему послушными и надѣяться на сохраненіе города отъ постыдной сдачи, а жителей отъ вѣрной гибели. Таковое ободреніе возродило во всѣхъ дѣя-

тельность и усердіе. Онъ же, присвоивъ себѣ главное начальство и власть, не только присланнымъ отъ Монголовъ съ требованіемъ сдачи города и прежней покорности не далъ отвѣта, но и приказалъ умертвить всѣхъ дѣлавшихъ сіе предложеніе. Монгольскіе начальники и принцъ Таулай, видя, что послѣ сего ничего не оставалось, какъ снова покорить городъ силою, готовили рѣшительный приступъ. Къ тому же времени и самъ Таулай, усмиривъ нѣкоторыя возмутившіяся мѣста Хорасана, прибылъ лично и принялъ главное начальство. Маджаръ съ своей стороны укрѣплялъ городъ; началась осада; частые приступы продолжались болѣе шести недѣль; съ обѣихъ сторонъ погибало много воиновъ, но несравненно болѣе со стороны Монголовъ. Принцъ, видя упорное сопротивленіе одного города, приходилъ въ отчаяніе и страшился гнѣва родителя. Въ такомъ положеніи онъ рѣшился еще на усиленный приступъ: выдвинулъ часть избраннаго войска, имѣвшую при себѣ щиты, и назначилъ имъ идти впередъ; прочему же, раздѣля его на части, приказалъ обойти городъ и со всѣхъ сторонъ начать осаду. Маджаръ, какъ искусный въ военномъ дѣлѣ, изъ движеній непріятеля постигалъ его намѣреніе, а притомъ имѣя между Монголами шпіоновъ, кои его увѣдомляли о томъ, что узнать

могли, разсчелъ, что далѣе противиться не достанетъ способовъ, при всемъ единодушіи жителей, и рѣшился спасти городъ и себя покорностію. Утромъ назначеннаго дня для приступа, выслалъ онъ къ передовому войску двухъ чиновниковъ съ извѣщеніемъ о покорности города, и принцъ охотно принялъ представленныхъ ему переговорщиковъ, но не заключая никакихъ условій, съ частію своего войска пошелъ самъ къ городу. Приприближеніи онъ былъ встрѣченъ самимъ Маджаромъ съ старшими чиновниками, подносившими Таулаю богатые подарки, безмолвную покорность и свои головы. Таулай, принявъ подарки, приказалъ принесшимъ слѣдовать за собою. Вступя въ Мевру, онъ велѣлъ бывшему тамъ войску, положивъ оружіе, выходить вонъ, и объявить его плѣннымъ до будущаго распредѣленія; а жителямъ приказалъ все имущество сносить въ назначенное мѣсто; затѣмъ, отдѣливъ ученыхъ, художниковъ и прочихъ людей, которыхъ могъ онъ употребить съ пользою, прочихъ малолѣтныхъ, старыхъ и слабыхъ выслалъ за городъ, приказавъ всѣхъ истребить, что и было исполнено. Маджара и главныхъ начальниковъ, ему столь долго противившихся, казнилъ; въ опустошенномъ городѣ оставилъ своего губернатора, а оставленнымъ жителямъ

велѣлъ дать земли для поддержанія населенія и хлѣбопашества. Такъ несчастный сей городъ, во время владычества Чингисъ - Хана, четырекратно подвергался раззоренію и великимъ бѣдствіямъ! Распоряженія Таулая продолжались около четырехъ недѣль. Кончивъ оныя, онъ приготовился къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

Отъ Мевру онъ пошелъ въ Гератъ, гдѣ натвенствовалъ послѣ Малика Шамшудинъ, родсчальникъ Султана Магомета, присвоившій себѣ власть надъ симъ городомъ и прилежащими къ нему селеніями во время бѣгства Магомета. Теперь онъ собралъ значительное войско и ожидалъ непріятелей.

Таулай, желая пріобрѣсть сей городъ безъ потери людей, послалъ къ Шамшудину съ требованіемъ сдачи города и покорности; но посланный былъ убитъ. Шамшудинъ, выведя часть войскъ своихъ, напалъ на передовое непріятельское. Сраженіе было жестокое, причемъ особенно пострадали Монголы. Но когда Шамшудинъ увидѣлъ, что они снова стали укрѣплятьcя подходящимъ свѣжимъ, войскомъ, то отошелъ обратно и заперся въ городѣ, ожидая приступа. Прошло нѣсколько дней въ бездѣйствіи; непріятели стояли въ виду и раззоряли ближнія селенія, откуда городъ получалъ припасы. Тогда Шамшудинъ рѣшился выдти съ

сильнымъ отрядомъ и сразиться съ Таулаемъ. Напавъ на Монголовъ, неожидавшихъ того, онъ истребилъ ихъ множество; но армія поспѣшила собраться, и сраженіе съ обѣихъ сторонъ произошло упорное. Счастіе Чингиса благопріятствовало и его сыновьямъ. Среди самой жаркой битвы Шамшудинъ былъ пронзенъ стрѣлою въ виду своего войска, что и перемѣнило обстоятельства битвы. Войско, потерявъ своего храбраго и благоразумнаго начальника, оробѣло, кинулось въ городъ; но Монголы смятеніемъ ихъ воспользовались и вмѣстѣ съ ними ворвались; причемъ устремился съ отборною частію войска Таулай. Сраженіе продожалось въ улицахъ, и когда нѣсколько смягчилось, то Таулай объявилъ жителямъ, что онъ сынъ Чингисъ-Хана и главный предводитель арміи, вступившей въ городъ; обѣщалъ оказать покорнымъ всякое снисхожденіе, и брать съ нихъ, а равно и съ принадлежащихъ къ нимъ мѣстъ въ половину менѣе противъ прежней подати. Сіе созваніе произвело въ жителяхъ распрю. Многіе желали тотчасъ покориться, но военные и прочіе, податей не платившіе и болѣе страшившіеся Монголовъ, не имѣли къ Таулаю довѣренности, и не хотѣли покориться. Таулай, видя большинство жителей на сторонѣ покорныхъ, рѣшилъ ихъ споръ, напавъ на ту, которая обѣ-

щанія его отвергала, и всѣхъ почти истребилъ. Впрочемъ, онъ исполнилъ обѣщаніе въ точности, сбавя половину податей, до того жителями платимыхъ, но обобралъ все лучшее имущество въ городѣ, казну и т. п., назначилъ начальникомъ своего чиновника и, оставя нужное число войска, отправился къ родителю своему Чингисъ-Хану въ городъ Тулканъ, гдѣ онъ тогда оставался.

Въ Гератѣ нѣсколько времени все было спокойно; но когда (какъ выше было упомянуто) Монгольскіе генералы были султанскимъ сыномъ принцомъ Джалуддиномъ побѣждены, то нѣкоторыя провинціи возмутились. Къ нимъ присталъ и Гератъ, полагая, что какъ Монголы ихъ принцомъ побѣждены, то нужно только соединиться и возстать противъ ига Монголовъ и тогда Чингисъ-Ханъ можетъ быть униженъ. Омраченные сею бѣдственною мыслію, они умертвили оставленныхъ Таулаемъ губернатора и прочихъ начальниковъ; избрали себѣ главою Мелика Любарусудина, полагая навѣрное, что и другіе завоеванные города и провинціи, слѣдуя ихъ примѣру, возстанутъ противъ Монголовъ для избавленія себя; но городъ сей оказался предъ нимъ болѣе другихъ виновнымъ, хотя къ нему оказана была побѣдителемъ милость, какою другіе не пользовались. Кромѣ того, что Таулай сохранилъ всѣхъ отъ убійства

онъ еще облегчилъ ихъ половиною податью, чего ни Чингисъ-Ханъ, ни другіе его сыновья для побѣжденныхъ не дѣлали. И потому какъ скоро Чингисъ-Ханъ узналъ о семъ возстаніи, то обратился съ великимъ гнѣвомъ къ Таулаю, преступившему его правило раззорять побѣжденные города и провинціи, и Таулай подвергся немалому огорченію и скорби.

Чтобъ возстановить спокойствіе, немедленно отправленъ былъ къ Герату одинъ изъ первыхъ Чингисовыхъ чиновниковъ Илчиктей, съ 80,000 войска, дабы взять городъ и истребить всѣхъ жителей. Илчиктей, прибывъ туда, послѣ шести-дневой осады, взялъ городъ приступомъ, и въ точности исполнилъ повелѣніе Чингисъ-Хана, такъ что жителями остались въ немъ одни введенныя въ него войска. Стѣны города были истреблены, и на мѣстѣ его осталось одно простое опустошенное селеніе; этотъ примѣръ удержалъ и другіе колебавшіеся города въ повиновеніи. Чингисъ-Ханъ, покоривъ всю Бухарію, царство пространное и сильное, со многими прилежащими землями, и чувствуя отъ безпрерывныхъ трудовъ ослабленіе силъ, принялъ рѣшительное намѣреніе взять успокоеніе. Но чтобъ завоеванія не прекращались, возложилъ ихъ на дѣтей своихъ, назначая Чигатаю идти съ арміею къ Гилану для поисковъ укрывавшаго-

ся принца Джалудина, сына Магометова, который ускользнулъ у него изъ рукъ, бросясь съ лошадью въ рѣку; зная отважность сего принца, Чингисъ не могъ успокоиться, по слухамъ же полагалъ, что Джалуддинъ укрывается въ Персидскихъ провинціяхъ.

Угадаю назначилъ идти къ городу Газміену, для низложенія владѣтеля, подвластнаго Магомету Субуктагина, который не хотѣлъ признавать другаго владычества. Самъ же съ Таулаемъ отбывъ въ Туранъ, услышалъ, что въ покоренныхъ провинціяхъ Китая оказывается духъ возмущенія, и дабы способнѣе наблюдать за тѣмъ, назначилъ къ усмиренію ихъ своего сына. Чрезъ нѣсколько времени Угадай покорилъ Сабуктагина, предалъ его казни, возстановилъ порядокъ и слѣдуя къ родителю, разорилъ городъ Гамзіенъ до основанія.

Чигатай, отправленный въ Гиланъ, взялъ городъ Мангару и нѣкоторые другіе, дѣлалъ поиски Принца Джалуддинг, но ни получивъ никакого свѣдѣнія, по повелѣнію Чингиса возвратился. Когда же всѣ его дѣти, съ нимъ въ войнѣ участвовавшіе, собрались, Чингисъ, пробывъ нѣсколько въ Туранѣ, возвратился въ родовыя свои земли, предполагая покореніе остальной части Китайскаго государства.

По прибытіи на родину, Чингисъ-Ханъ получилъ увѣдомленіе, что губернаторъ Тангута Шадуръ дѣлаетъ возмущеніе, и тотчасъ отрядилъ достаточное войско, которое, встрѣтясь съ Шадуромъ, разбило его и принудило спасаться бѣгствомъ въ Тангутъ. Отсюда онъ нѣсколько разъ отражалъ приступы; но увидя, что долго сопротивляться не возможно, и что если городъ будетъ взятъ, то, лишенный всего, онъ подвергнется лютой казни, желалъ какимъ нибудь образомъ спасти жизнь свою. Отправя къ Чингису извѣстіе, что онъ готовъ покориться и сдать городъ, если жизнь его и родственниковъ его съ имущесгвомъ будутъ въ безопасности, и что впредь сохранять будетъ ненарушимую къ нему вѣрность. Чингисъ благосклонно выслушалъ присланнаго и отпустилъ обратно съ обѣщаніемъ, что если Шадуръ все исполнитъ въ скорости, то онъ готовъ все предать забвенію, но что въ переписку и договоръ, какъ съ подданнымъ своимъ, войти не можетъ. Такое снисхожденіе Чингисъ-Хана объяснили современники тѣмъ, что онъ отъ многолѣтнихъ воинскихъ трудовъ, пресыщенія и невоздержности ослабѣлъ въ силахъ своихъ, и это подтверждается послѣдующею вскорѣ за тѣмъ его кончиною, которая положила предѣлъ его завоеваніямъ и всей дѣятельности.

XII.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЧИНГИСЪ-ХАНА.

Чингисъ родился подъ именемъ Тжемутчина, принялъ титулъ Хана $\frac{599}{1204}$, умеръ на 65 году отъ рожденія. Онъ былъ отъ природы одаренъ великимъ умомь, склонностію къ войнѣ; съ самаго малолѣтства упражнялся въ нападеніяхъ и грабежахъ. Съ 23-лѣтняго возраста онъ сталъ присоединять къ себѣ приверженцовъ, съ коими, отбивая у сосѣдственныхъ народовъ табуны и стада, дѣлилъ добычи; и какъ наблюдалъ въ томъ справедливость и себѣ ничего лишняго не присвоивалъ, то за правоту свою и за отличную отважность, силу и искуство пріобрѣлъ себѣ любовь. Однако же при всемъ томъ, почти до сороковаго года не смѣлъ пускаться на большія предпріятія, и довольствовался тѣмъ, что во время малолѣтства не лишился своего отеческаго владѣнія; за что обязанъ былъ попеченію своего отчима. Казалось, что сама судьба вела его къ самымъ отважнымъ поступкамъ, а постоянно льстившее ему счастіе поощряло къ дальнѣйшимъ подвигамъ, такъ что послѣ легкаго завоеванія большей части Китайскаго государства и потомъ всей Бухаріи

и многихъ народовъ, онъ возмечталъ, что избранъ Высшею волею быть единымъ повелителемъ всего извѣстнаго тогда міра. Въ началѣ нашего повѣствованія описанъ первый случай, заставившій его предупредить коварное намѣреніе Аунекъ-Хана. Здѣсь онъ увидѣлъ на опытѣ, какъ должно побѣждать и побѣдами пользоваться. Въ послѣдствіи, покоряя городъ или область, онъ приводилъ ихъ въ совершенное безсиліе и дѣлалъ для себя безопасными; умножалъ войска свои избранными изъ побѣжденныхъ; употребляя ихъ всегда въ опаснѣйшихъ случаяхъ, сберегалъ тѣмъ свое собственное войско, прочихъ же неспособныхъ къ воинскимъ трудамъ, большею частію истреблялъ. Такъ безчеловѣчно поступая, онъ шелъ отъ одного народа къ другому, побѣждалъ, и постепенно умножалъ свои силы. Страхъ и предубѣжденіе о его всемогуществѣ ему предшествуя, покоряли его власти народы безъ сопротивленія. Впрочемъ и при совершенной покорности побѣжденныхъ, онъ не оставлялъ обезсиливать покоренныхъ.

Чингисъ былъ кровожаденъ и ничего не оставлялъ для достиженія своихъ предпріятій; а какъ онъ имѣлъ огромныя силы, то потерю въ людяхъ почиталъ за ничто. Когда же возросшіе и пріученные къ воинскимъ трудамъ сы-

новья его стали ему помогать въ званіи военачальниковъ, тогда никто не могъ ему противиться. Подвергавшіеся его нашествіямъ владѣтели дѣйствовали несогласно и одинъ за другимъ были подавляемы. Въ то время возъимѣлъ онъ намѣреніе сдѣлать своихъ потомковъ всесвѣтными обладателями, что доказывается и завѣщаніемъ, которое онъ оставилъ предъ своею кончиною, по крайней мѣрѣ еще тридцать лѣтъ продолжать его завоеванія. Онъ думалъ, что этого будетъ достаточно для совершенія столь дерзкаго предположенія. Тремъ сыновьямъ онъ предоставилъ дѣйствовать противъ Европы, Азіи и Африки, но въ случаѣ затрудненія дѣйствовать общими силами, и держаться его правилъ—не щадить людей, отнимать все, что нужно для войска, предоставлять ему города на разграбленіе и тѣмъ удовлетворять господствующей страсти воиновъ, кои, надѣясь на полученіе вѣрной корысти, забывали объ опасностяхъ.

Чингисъ во время походовъ имѣлъ при себѣ трехъ женъ, называвшихся законными. Наложницъ набиралъ въ тѣхъ мѣстахъ, кои покорялъ, потому что все лучшее и рѣдкое ему предоставляли, а прочимъ раздѣлялось оставшееся послѣ его выбора.

Нѣтъ нигдѣ извѣстій о томъ, какъ онъ поступилъ съ своими братьями, которыхъ послѣ отца оставалось нѣсколько. Объ нихъ не упоминается ни въ военныхъ дѣйствіяхъ, ни въ числѣ частныхъ владѣльцевъ. Соображая нравъ Чингиса, можно полагать, что онъ прекратилъ ихъ жизнь какимъ нибудь свойственнымъ ему образомъ.

Безпримѣрная его жестокость доказывается тѣмъ, что онъ не имѣлъ ни къ чему состраданія, и ничѣмъ такъ не утѣшался, какъ видомъ горести и отчаянія своихъ плѣнниковъ. Надъ ними производилъ онъ свой короткій судъ безъ всякаго милосердія. Войска и полководцы, руководствуясь примѣромъ его, поступали съ побѣжденными и покорившимися весьма жестоко отнимая жизнь, грабя и обогащаясь на счетъ погибающихъ.

Гонимый несчастный Ханъ Бухаріи Магометъ многократно обращался къ нему съ мирными предложеніями, дѣлая многія уступки, и еще будучи въ силахъ противустоять; но Чингисъ, ни чего не уважая, продолжалъ раззорять и покорять царство Магомета; и уже всѣмъ завладѣвши, при самой кончинѣ своей терзался мыслію, что сынъ Магомета, отважный Джалуддинъ, не достался въ его руки, и тревожился безвѣстностію о немъ.

Въ послѣднее время Чингисъ отъ пресыщенія въ удовольствіяхъ чувственныхъ, разстроилъ свое здоровье и сталъ слабъ. Съ ежедневнымъ изнеможеніемъ онъ чувствовалъ свой скорый конецъ. Видѣнный имъ передъ тѣмъ сонъ усилилъ въ немъ это предчувствіе. Спѣша вызвать своихъ сыновей, онъ строго наказывалъ имъ жить въ непремѣнномъ согласіи и вспомоществовать другъ другу, назначая по себѣ наслѣдникомъ Угадая, коему вручилъ верховную власть, а другимъ его братьямъ завѣщалъ быть ему покорными. Утвердивъ это письменно, онъ поручилъ Угадаю низложить возмутившагося Шадура и казнить его; Тангутъ раззорить не щадя жителей. Послѣ всѣхъ назначеній и наставленій, показалъ мѣсто подъ однимъ высокимъ деревомъ, гдѣ онъ желалъ быть погребенъ; мыто это замѣтилъ онъ во время охоты. Вскорѣ за тѣмъ онъ скончался.

Угадай и прочіе принцы скрывали его кончину до тѣхъ поръ, пока не выполнили приказанія его надъ Шадуромъ и городомъ Тангутомъ.

При взятіи города Турана въ великой Бухаріи, гдѣ жители исповѣдовали законъ Магомета, вздумалось ему знать, въ чемъ состоитъ его ученіе? Для того приказалъ онъ представить къ себѣ знающихъ всѣ пордобности Изламизма, и къ нему явились два ученѣйшіе—

кади Атрафъ и мулла Воа-Аджисъ. На вопросъ: въ чемъ состоитъ законъ ихъ, и что значатъ Магометане? они отвѣчали:

1-е. Магометане суть слуги Всемогущаго Бога; съ которымъ ничто въ свѣтѣ сравниться не можетъ; почитаютъ Его пророкомъ, и особенно Магомета, который избранъ и посланъ отъ Бога для наставленія ихъ, черезъ котораго данъ имъ законъ въ Алкоранѣ, святой книгѣ. Сообразно съ правилами, въ ней изложенными, Магометане стараются сообразовать свою жизнь, дабы заслужить послушаніемъ своимъ милость Божію, и покровительство Его пророка, Магомета. Чингисъ отвѣчалъ, что въ этомъ съ ними согласенъ, ибо предъ Всемогущимъ Богомъ ничтожно все живущее. Что жъ далѣе? Они отвѣтствовали:

2-е. Чтущіе законъ Магомета должны раздавать ежегодно нуждающимся братіямъ четвертую часть всякаго дохода отъ трудовъ, торговли, или по какому либо счастливому событію и инымъ образомъ собранное; ибо одинъ богатѣющій раззоряетъ многихъ, самъ иногда того не чувствуя; а потому долженъ помнить, что если судьба ему благопріятствуетъ, то множество отъ того страдаютъ; слѣдовательно и четвертая часть для поддержанія бѣдныхъ, для него не можетъ быть чувствительна."

Симъ правиломъ Чингисъ-Ханъ весьма былъ доволенъ (хотя самъ обладалъ несмѣтными сокровищами на счетъ другихъ, въ чемъ конечно видѣлъ примѣръ близкій и разительный), однако же раздачу четвертой части доходовъ призналъ дѣломъ совершенно похвальнымъ. Ничто предъ Богомъ такъ ни угодно, какъ благотвореніе и милость.

3-е. „Повелѣно отъ Бога и Пророка молиться каждый день пять разъ и дѣлать столько же разъ омовеніе тѣла.“ Здѣсь Чингисъ усмѣхнулся и сказалъ: „Молиться должно по своей волѣ, а не по назначенію, потому что въ чувствахъ сердца молитва заключается, а въ частномъ омовеніи вижу излишество и пустой обрядъ.“

4-е. „Позволено въ одиннадцать лунъ ѣсть все, что хотимъ, но въ двѣнадцатую назначенъ постъ; въ продолженіе его днемъ должны мы воздерживаться до захожденія солнца отъ пищи и питія, а послѣ захожденія позволяется все.“ Здѣсь совопросникъ промолчалъ и не сдѣлавъ никакого отзыва, спросилъ, что далѣе?

5-е. „Обязаны мы ѣздить хотя однажды въ жизни въ Мекку для молитвы Богу.„

Этого онъ не одобрилъ, говоря, что нужно ли искать особаго мѣста для моленія, когда Богъ есть вездѣсущій и присутствующій; всякое мѣсто удобно для моленія.

Продолжая еще несколько беседу съ сими учеными, онъ былъ ими доволенъ; а они, видя его къ себѣ благорасположеніе, осмѣлились просить милости, чтобъ жители Турана не подвергались произвольнымъ поборамъ, безъ точнаго его и наслѣдниковъ его повелѣнія. Чингисъ-Ханъ на то согласился и далъ запретительную грамату.

Когда взросшія дѣти его стали помогать ему въ завоеваніяхъ, то онъ нерѣдко пользовался отдохновеніемъ; запирался въ свой сераль, который при немъ находился почти всегда; предавался всѣмъ возможнымъ удовольствіямъ пресыщенія; затѣмъ обращался къ дѣламъ, и если не время было къ походу, то разсматривалъ дѣла по управленію чиновниковъ.

Прежде возвышенія своего и даже до самаго покоренія большей части Китая, онъ жилъ въ шатрахъ, окруженный кибитками. Но занявши Китайскую сѣверную столицу Пекинъ, принялъ видъ величества и безмѣрной во всѣмъ роскоши; исключая дня сраженія, носилъ богатѣйшую одежду, въ военное же время имѣлъ простое Монгольское платье и всегда драгоцѣнное оружіе. Любилъ самыхъ рѣдкихъ коней и нерѣдко награждалъ ими военныхъ чиновниковъ за отличіе.

Особенное величество и богатство показывалъ онъ при посольствахъ сильныхъ Государей. Тогда вокругъ его все блистало: дѣти окружали его престолъ; главнѣйшіе чиновники, потупя взоръ съ руками, на груди сложенными, ожидали его мановеній. Нисшіе чины стояли на одномъ колѣнѣ, приклоня голову. Подводимые должны были приклоняться по три раза на трехъ приступахъ до его престола; онъ самъ рѣдко удостоивалъ кого изъ представляемыхъ вопросомъ, но всегда почти чрезъ своихъ чиновниковъ: пріемы оканчивалъ скорымъ отзывомъ и рѣшеніемъ.

Кончину матери своей перенесъ онъ, не оказавъ должной къ ней горячности, и даже былъ равнодушенъ къ своему благодѣтелю отчиму Менглинъ Ичкѣ, соблюдшему ему наслѣдство отца, поддержавшему его въ малолѣтствѣ отъ злобы и хитрости отпадшихъ владѣльцовъ и особенно сохранившему его жизнь предостереженіемъ и совѣтомъ не продолжать пути для свиданія съ Аунекъ-Ханомъ, который только и ожидалъ, чтобъ принявъ его съ видомъ дружбы и уваженія, лишить жизни. Но крайнюю и первую его горесть замѣтили по полученіи извѣстія о смерти старшаго сына Чучи, котораго онъ очень любилъ и даже уважалъ, и одинъ только разъ огорчилъ его, отдавъ главное

начальство, при городѣ Меру, Угадаю, за то, что, какъ было упомянуто, онъ не умѣлъ сохранить согласіе между меньшими братьями.

Въ молодыя лѣта Чингисъ имѣлъ видъ красивый, ростъ нѣсколько болѣе средняго, плеча широкія, во всемъ составѣ былъ крѣпокъ, но голову держалъ нѣсколько наклонно. Послѣ сорока лѣтъ началъ толстѣть, лице его сдѣлалось весьма полно и красно; чувствовалъ тягость, но былъ силенъ и труды воинскіе переносилъ охотно; безъ усталости могъ быть на конѣ по цѣлымъ суткамъ.

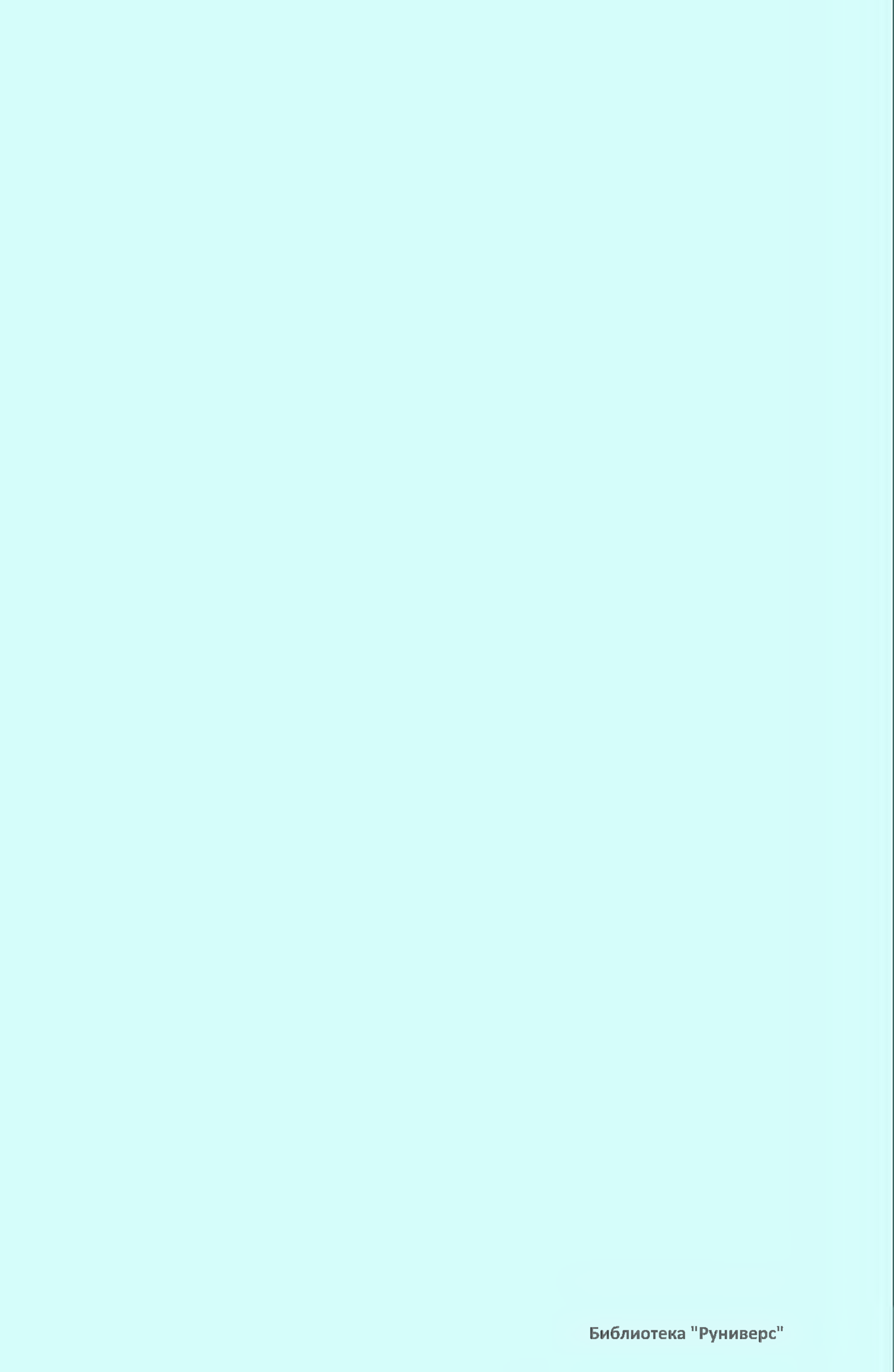
Въ непродолжительномъ времени дѣти его покорили остальную часть Китайскаго царства. Затѣмъ при нихъ и ихъ преемникахъ Монголы дѣлали опустошительныя нашествія на Индію, равно Европу и Африку.

Конецъ.

Библиотека "Руниверс"

